

ПЕРВИНКА ДРУГАЯ

**ВНУКЪ ГРАМОТЪЙКЪ
съ
НЕГРАМОТНОЮ БРАТІЕЮ**

**Сказки, пѣсенки, игры. Пересмотрѣно
В.И.Далемъ.**

ЛИСА И ЗАЯЦЪ

Жиль былъ въ полѣ сѣренькій Заячикъ, да жила Лисичка сестричка; вотъ, какъ пошли заморозки, сталъ Заяка линять, а какъ пришла зима студеная, со вьюгой да со снѣжными сугробами, Заяка съ холоду и вовсе побѣлѣлъ, и надумалъ онъ себѣ избу строить, натаскалъ лубочковъ, и давай городить хижину да ухичивать ее. Увидала это Лиска и говоритъ: ты косенькій что это дѣлаешь?

Видишь, отъ холоду Агрева промышляю, избу строю.

Вишь какой догадливый, подумала Лиса давай—ка и я построю избу — только ужъ не лубочный балаганъ, а палаты, хрустальный дворець! Вотъ и принялась она ледъ таскать да избу класть. Обѣ избы поспѣли разомъ и зажили наши звѣри своими домами. Глядитъ Лиска въ ледяное окошечко, да надъ зайчикомъ посмѣивается: «вишь, чернолапотникъ, какую лачугу свараксаль! Толи дѣло моя, и чиста, и свѣтла, ни дать ни взять

хрустальный дворец!» Лисѣ зимою все было хорошо, а какъ пришла весна по зиму, да стала снѣгъ сгонять, землю пригрѣвать, тутъ Лискинъ дворецъ и растаялъ, да водою подъ гору и сбѣжалъ! Какъ Лискѣ безъ дому быть? Вотъ подкараулила она когда Зайка вышелъ изъ своей избы погулять, подснѣжной травки, Заячьей капустки пощипать, прокралась въ Зайкину избу и влѣзла на полати. Пришелъ Зайчикъ, торкнулся въ дверь, заперта; подождаль маленько и сталъ опять стучаться.

«Кто тамъ?» закричала Лиса толстымъ голосомъ.

«Это я, хозяинъ, сѣрый Зайчикъ, пусти меня Лисанька».

«Убирайся, не пущу», отвѣчала Лиса. Пообождалъ Зайка да и говорить: «полно Лисанька шутить, пусти, мнѣ ужъ спать хочется».

А Лиса въ отвѣтъ: «постой косою вотъ какъ я выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трясти, только клочья по вѣтру полетятъ!»

Заплакаль Зайчикъ и пошелъ куда глаза глядятъ; повстрѣчался ему сѣрый волкъ: здорово Зайка, о чемъ плачешь, о чемъ горюешь?

А какъ же мнѣ не тужить, не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, Лисья изба растаяла, водой ушла, она мою захватила да и не пускаетъ меня, хозяина!

А вотъ постой, сказалъ волкъ, мы ее выгонимъ!

Наврядъ ли, волчанька выгонимъ, она крѣпко засѣла!

Я не я, коли не выгону Лису, зарычалъ волкъ. Вотъ Зайчикъ обрадовался и пошелъ съ волкомъ гнать Лису. Пришли.

Эй, Лиса Патрикѣевна, выбирайся изъ чужой избы, закричалъ волкъ.

А лиса ему изъ избы въ отвѣтъ: постой, вотъ какъ слѣзу съ печи да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трепать такъ только клочья по вѣтру полетятъ!

Ой ой какая сердитая! заворчалъ волкъ, поджалъ хвостъ и убѣжалъ въ лѣсъ, а Зайка остался плакать въ полѣ. Идетъ

быкъ; здорово Зайка, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, Лисья изба растаяла, она мою захватила да вотъ и не пускаетъ меня, хозяина, домой!

А вотъ постой, сказалъ быкъ, мы ее выгонимъ.

Нѣтъ, быченька, наврядъ выгнать ее, крѣпко засѣла, ужъ ее волкъ гналъ не выгналъ, и тебѣ быку не выгнать! Я не я, коли не выгону! замычалъ быкъ.

Зайчикъ обрадовался и пошелъ съ быкомъ выживать Лису. Пришли. Эй, Лиса Патрикѣевна, ступай вонъ изъ чужой избы! промычалъ быкъ. А Лиса ему въ отвѣтъ: постой, вотъ какъ слѣзу я съ печи, да пойду тебя быка трепать, такъ только ключья по вѣтру полетятъ!

Ой ой, какая сердитая, замычалъ быкъ, закинулъ голову и давай улепетывать. Зайчикъ сѣлъ подлѣ кочки и заплакалъ.

Вотъ идетъ мишка медвѣдь и говоритъ: здорово косою, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать! была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, лисья изба растаяла, она мою захватила, да и не пускаетъ меня, хозяина, домой?

А вотъ постой, сказалъ медвѣдь, мы ее выгонимъ!

Нѣтъ, Михайла Потапычъ, наврядъ тебѣ ее выгнать, крѣпко засѣла; волкъ гналъ не выгналъ, быкъ гналъ не выгналъ, и тебѣ не выгнать!

Я не я, заревѣлъ медвѣдь, коли не выживу Лису!

Вотъ Зайчикъ обрадовался и пошелъ, подпрыгивая, съ медвѣдемъ гнать Лису. Пришли.

Эй, Лиса Патрикѣевна, заревѣлъ мишка, убирайся вонъ изъ чужой избы!

А Лиса ему въ отвѣтъ: постой, Михайла Потапычъ, вотъ какъ слѣзу съ печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя косолапаго трепать, такъ только клочья по

вѣтру полетятъ. У, у, у! какая лютая, заревѣль медвѣдь, да и пустился въ притруску бѣжать. Какъ быть зайцу? сталъ онъ Лису упрашивать, сталъ умаливать, а Лиса и ухомъ не ведетъ. Вотъ заплакаль зайчикъ и пошелъ куда глаза глядятъ и повстрѣчалъ кочета, краснаго пѣтуха, съ саблей на плечѣ.

Здорово Зайка, каково поживаешь, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать, коли съ роднаго пепелища сгоняють? Была у меня избенка лубяная, а у Лисицы ледяная; лисья изба растаяла, она мою заняла да и не пускаетъ меня, хозяина, домой!

А вотъ постой, сказалъ пѣтухъ, мы ее выгонимъ!

Врятъ ли, петинька, выгнать, она больно крѣпко засѣла! Ее волкъ гналъ, не выгналъ; ее быкъ гналъ, не выгналъ; медвѣдь гналъ, не выгналъ; гдѣ ужъ тебѣ совладать!

Попытаемся, сказалъ Пѣтушекъ, и пошелъ съ зайцемъ выгонять Лису. Какъ пришли они къ избушкѣ, то пѣтухъ запѣлъ:

Идеть кочеть на пятахъ,
Несеть саблю на плечахъ,
Хочеть Лиску срубить,
Себѣ шапку сшить:
Выходи Лиса, пожалѣй себя!

Какъ слышала Лиса, Пѣтухову грозу,
испугалась да и говорить: подожди,
пѣтушокъ, золотой гребешокъ, шелковая
бородка!

А пѣтухъ кричить: кукареку, всю
изрублю!

Вотъ лиса и просить тоненькимъ
масленнымъ голоскомъ: Петинька,
пѣтушокъ, пожалѣй старья косточки, дай
шубенку накинуть! А пѣтухъ стоя у двери
знай себѣ кричить:

Идеть кочеть на пятахъ,
Несеть саблю на плечахъ,
Хочеть лиску срубить,
Себѣ шапку сшить:
Выходи лиса, пожалѣй себя,
Не то всю изрублю, искалѣчу тебя!

Нечего дѣлать, некуда дѣваться лисѣ,
пріотворила дверь да и выскочила, а пѣтухъ
уже стоитъ поджидаетъ: какъ увидалъ лису,

такъ и зарубилъ ее, мѣхъ взялъ себѣ на зимнюю шапку, а мясо воронамъ кинулъ, самъ же поселился съ зайчикомъ и стали они жить да быть, да добро копить.

КАКЪ УЧАТЬ СТАРОЕ ДОБРО ПОМНИТЬ.

Повадился волкъ въ одну деревню овецъ таскать; овечку утащить всю деревню переполошить, за нимъ подымается крикъ, гамъ, вой. День другой пройдетъ смирно, а тамъ опять слышишь гдѣ нибудь бабы воютъ, овцы не досчитываются; еще пройдетъ денька три, сызнова плачь да брань на волка, барана утащилъ. Вотъ и надумались крестьяне къ помѣщику идти, просить суда и расправы на волка. Помѣщикъ затѣялъ облаву, созвалъ охотниковъ, охотники сѣли на коней и отправились по волка; собачья стая понеслась за ними. Послыша лай, волкъ смѣтилъ кого ищутъ и ну отъ бѣды прятаться, ну изъ стороны въ сторону бросаться; выскочилъ изъ лѣсу на

проселокъ, видитъ мужикъ идетъ съ мѣшкомъ, взмолился ему волкъ: мужичекъ, мужичекъ, борода съ локотокъ, спрячь ты меня, схорони ты меня отъ охотниковъ!

Нѣтъ волкъ, не спрячу тебя, ты, слышно у сосѣдей много накуралесиль, много овецъ перетаскаль, всю деревню разориль!

Спрячь меня, сказалъ волкъ, я твое добро попомню, самъ тебѣ пригожусь!

Польстился мужикъ на волчій посуль и говорить: ну, такъ и быть, полѣзай въ мѣшокъ! Вотъ волкъ вскочилъ въ мѣшокъ, свернулся въ комокъ, а мужикъ затянулъ мѣшокъ веревкой, взвалилъ на плеча и пошелъ своей дорогой.

Повстрѣчались ему охотники: мужичекъ, мужичекъ не видалъ ли ты волка?

Нѣтъ не видалъ, сказалъ мужикъ. Охотники проѣхали, а волкъ спрашиваетъ: что, уѣхали?

Уѣхали, отвѣчалъ мужикъ.

И далеко уѣхали?

Далеко, глазомъ не сягнешь!

Ну, такъ выпускай меня изъ мѣшка.

Вотъ мужикъ развязаль мѣшокъ, выпустиль волка, а волкъ отъ мужика не отстаеть, идетъ себѣ съ боку, покашивается да зубами пощелкиваетъ. Шли, шли они такъ, вотъ волкъ и говоритъ: мужичекъ, мужичекъ, съѣмъ я тебя!

Полно, Левонъ Иванычъ, шутки шутить, такъ не хорошо тебя слушать!

Я не шучу, сказалъ волкъ, а взаправду съѣмъ!

Какъ же ты меня, за мое добро съѣшь, вѣдь я тебя отъ охотниковъ схорониль?

Старое добро не помнится! сказалъ волкъ и хотѣль мужика ѣсть.

Заплакаль мужичекъ и взмолился; постой, волкъ, не ѣшь меня, я на кого хочешь сошлюсь, что старое добро помнится; вонъ идетъ лошадь, спросимъ ее, коли она скажетъ по-моему, что старое добро помнится, такъ ты не тронь меня, а коли разсудить по твоему, ну тогда нечего дѣлать твоя верхъ взяла.

Ладно, сказалъ волкъ, спросимъ лошадь.

Вотъ и сталь мужикъ лошадь спрашивать: скажи матушка лошадушка, порѣши наше дѣло, вотъ такъ и такъ: мы съ волкомъ заспорили: помнится ли старое добро, али нѣтъ?

Понурила лошадь голову и стала сказывать: жила я у мужичка семнадцать годовъ, принесла ему четырнадцать жеребятъ, одинъ одного лучше, одинъ одного сносливѣе, на работу какъ я ретивые, а какъ стала я стариться, да изъ силъ выбиваться, такъ вечеръ свель меня со двора да и свалилъ въ оврагъ, насилу сегодня выкарабкалась, вотъ самъ суди дѣдушка, помнится ли старое добро!

Заплакаль мужикъ и говоритъ: потерпи Левонъ Иванычъ, спросимъ еще кого, можетъ быть кто лучше разсудить!

Волкъ согласился. Попадается имъ встрѣчу собака, мужикъ къ ней: скажи матушка Арапушка, порѣши наше дѣло, вотъ такъ и такъ, мы съ волкомъ заспорили: помнится старое добро или нѣтъ?

Потупилась, заплакала собака, и стала сказывать: жила я у хозяина пятнадцать лѣтъ, день деньской я ему служила, домъ берегла ночью не смыкаючи глазъ добро его стерегла; вотъ, какъ теперь не вмоготу пришлась мнѣ работа, да къ тому же и съ голосу спала, лаять перестала, согналь меня хозяинъ со двора, да еще полѣномъ пригрозилъ, чтобы назадъ не ворочалась! Нѣтъ, мужичокъ, знать волкъ правѣе: старое добро забывается! рѣшила собака.

Что братъ, чья взяла? спросилъ волкъ, вѣдь моя правда, вотъ я и съѣмъ тебя!

Запечалился, заплакаль мужикъ и сталъ отпрашиваться: потерпи де волченька до третьей встрѣчи, а тамъ, коли по твоему скажутъ, такъ ужъ по твоему и быть.

Ладно, повременю еще маленько, а послѣ же больше не спорь, не помилую.

Что съ тобой станешь дѣлать, сказалъ мужикъ, коли ты стараго добра знать не хочешь!

Вотъ и пошли опять путемъ дорогой, а встрѣчу бѣжить лиса; мужикъ остановилъ ее да и говорить: матушка Лиса

Патрикѣвна, мы къ тебѣ на третейскій судъ пришли, разсуди ты насъ: вотъ такъ и такъ мы съ волкомъ заспорили, забывается старое добро или нѣтъ?

Лиса подумала, да и говоритъ: что то я вашего дѣла въ толкъ не возьму, кто у васъ кого схоронилъ?

Да я волка отъ охотниковъ въ мѣшокъ схоронилъ, сказалъ мужикъ, а онъ меня за спасибо съѣсть хочетъ!

Левонъ Иванычъ, правду онъ сказываетъ? спросила лиса, сидѣль ты въ мѣшкѣ?

Сидѣль.

Ну врешь сѣрый, знать по намеднишнему меня обмануть хочешь! да ты въ мѣшокъ—то и до половины не влѣзешь.

Зло взяло волка вѣкъ повѣку отъ лисы напраслину терпѣть, давай, говоритъ мужику, давай сюда мѣшокъ, вотъ я ей старой лисѣ покажу что волкъ не лиса, не все вретъ, а ину пору и правдой живетъ!

Мужичекъ нашъ растопырилъ передъ волкомъ мѣшокъ, — сѣрый влѣзъ до

половины и кричить изъ мѣшка: что лиса льстивы слова, завистливы глаза, влѣзь я въ мѣшокъ, аль нѣтъ?

Нѣтъ не влѣзь, говоритъ лиса, половина тебя наружу!

Вотъ волкъ влѣзь совсѣмъ, свернулса калачемъ, да и спрашиваетъ изъ мѣшка: ну что, совсѣмъ ушель, и съ хвостомъ?

Хвоста не видать, сказала лисанька, только чай завязать нельзя!

Завязывай! крикнулъ волкъ мужику. Мужикъ схватилъ веревку, крѣпко накрѣпко затянулъ ею мѣшокъ и сталъ въ раздумьи, а лиса говоритъ ему: мужичекъ мужичекъ, борода съ локотокъ, борода—то выросла, да ума не вынесла! Скажи—ка ты мнѣ, что это у тебя въ рукахъ?

Цѣпъ, отвѣчалъ мужикъ.

А что цѣпомъ дѣлають?

Молотять, отвѣчалъ мужикъ.

Ну ка, покажи намъ, какъ люди молотять, я что—то не видывала!

Тутъ мужикъ догадался и принялся по волку цѣпомъ колотить, а лиска ходить вокругъ, да приговариваетъ: вотъ такъ, вотъ

такъ учать старое добро помнить! Волка долго учили и наконецъ до смерти доучили. Мужичекъ зазвалъ догадливую лису къ себѣ, сказалъ спасибо за науку, напоилъ, накормилъ и впередъ велѣлъ къ себѣ въ гости ходить.

ПРО МЫШЬ ЗУБАСТУЮ, ДА ПРО ВОРОБЬЯ БОГАТАГО

Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студеные, про луга зеленые, про лѣса дремучіе, про хлѣбы хлѣбистые да про ярицу яристую. Это не сказка, а присказка, сказка будетъ въпереди.

Жилъ былъ на селѣ мужичекъ, крестьянинъ исправный, и Бога боялся и о людяхъ печаловался: коли кто былъ въ горѣ да въ нуждѣ, всякъ къ нему за совѣтомъ шелъ, а коли у кого было хлѣба въ недостатѣ, шли къ его за кормѣ какъ къ своей. Богъ благословлялъ его поля; у кого хлѣбъ родится сам—четверть, сам—пять, а у него нерѣдко и сам—десять! Сожнетъ

мужичекъ хлѣбъ, свезеть въ овинъ, перечтетъ снопы, да каждый десятый снопъ къ сторонѣ отложить, примолвя: это на долю бѣдной брата. Услыхавъ такія речи, воробей зачиликалъ во весь ротъ: чивъ, чивъ, чивъ! мужичекъ полонъ овинъ хлѣба навалилъ да и на нашу брата видимо невидимо отложилъ!

Шишь, не кричи во весь ротъ! пропищала мышъ пискунья, не то всѣ услышатъ: налетитъ ваша брата крылатая стая, все по зернышку разнесетъ, весь закрошь склюетъ, и намъ ничего не покинетъ!

Трудновато было воробью молчать, да дѣлать нечего, мышка больно строго ему пригрозила. Вотъ слетѣлъ воробей со стрехи на полъ да подсѣвъ къ мышкѣ, сталъ тихохонько чирикать: давай де мышка норышка совьемъ себѣ по гнѣздышку, я подъ стрехой, ты въ подпольѣ, и станемъ жить да быть, да хозяйской подачкой питаться, и будетъ у насъ все вмѣстѣ, все пополамъ.

Мышка согласилась. Вот и зажили они вдвоемъ, живутъ годъ, живутъ другой, а на третій сталъ амбаръ ветшать; про новый хлѣбъ хозяинъ выстроилъ другой амбаръ, а въ старомъ зерна оставалось намалѣ. Мышка норышка это дѣло смекнула, раскинула на умахъ и порѣшила, что коли ей одной забрать все зерно, то болѣе достанется чѣмъ съ воробьемъ пополамъ. Вотъ прогрызла она въ половицѣ въ закормѣ дыру, зерно высыпалось въ подполье, а воробей и не видалъ того, какъ весь хлѣбъ ушелъ къ мышкѣ въ нору. Сталъ воробей поглядывать гдѣ зерно? зерна не видать; онъ туда, сюда, нѣтъ нигдѣ ни зерна; сталъ воробей къ мышкѣ въ нору стучаться; тукъ, тукъ, чивъ, чивъ, чивъ, дома ли сударушка мышка?

А мышка въ отвѣтъ: чего ты тутъ разчирикался? убирайся, и безъ тебя голова болить!

Заглянулъ воробей въ подполье, да какъ увидалъ тамъ хлѣба ворохъ, такъ пуще прежняго зачирикалъ: ахъ ты мышъ подпольная, вишь что затѣяла, да гдѣжъ

твоя правда. Уговоръ былъ: все поровну, все пополамъ, а ты это что дѣлаешь? Взяла, да и обобрала товарища!

И, и, пропищала мышка норышка вольно тебѣ старое помнить, я такъ ничего знать не знаю и помнить не помню!

Нечего дѣлать, сталь воробей мышкѣ кланяться, упрашивать, а она какъ выскочетъ, какъ начнетъ его щипать, только перья полетѣли!

Разсердился и воробей, взлетѣлъ на крышу и зачирикалъ, такъ, что со всего округа воробьи слетѣлись, видимо невидимо. Всю крышу обсѣли и ну товарищеву дѣло разбирать, все по ниточкѣ разобрали на томъ порѣшили чтобы къ звѣриному царю всѣмъ миромъ съ челобитьемъ летѣть. Снялись полетѣли, только небо запестрѣло. Вотъ прилетѣли они къ звѣриному царю, зачирикали, защебетали, такъ что у царя Льва въ ухахъ зазвенѣло, а онъ въ ту пору прилежъ было отдохнуть, зѣвнулъ Левъ, потянулся, да и говоритъ: коли попусту слетѣлись, такъ убирайтесь во свояси: спать хочу; а коли

дѣло есть до меня, то говори одинъ, вѣдь пѣть хорошо, а говорить порознь!

Вотъ и выскочилъ воробышекъ, что побойчѣе другихъ и сталъ такъ сказывать дѣло: Левъ государь, вотъ такъ и такъ, нашъ братъ воробей положилъ уговоръ съ твоей холопкой мышью зубастой жить въ одномъ амбарѣ, ѣсть изъ одного заорма до послѣдняго зерна; прожили они такъ безъ малаго три года, а какъ сталъ хлѣбъ къ концу подходить мышь подпольная и слукавила, прогрызла въ заормѣ дыру и выпустила зерно къ себѣ въ подполье; братъ воробей сталъ ее унимать, усовѣщивать, а она злодѣйка такъ его ощипала кругомъ, что стыдно въ люди показаться; повели, царь, мышь ту казнить, а все зерно истцу воробью отдать, коли же ты государь насъ съ мышью не разсудишь, такъ мы полетимъ къ своему царю съ челобитной!

И давно бы такъ, идите къ своему орлу! сказалъ Левъ, потянулся и опять заснулъ. Туча тучей поднялася стая воробьиная съ челобитьемъ къ Орлу на звѣринаго царя, да

на его холопку мышь. Выслушалъ царь Орель, да какъ гаркнетъ Орлинымъ клеткомъ: позвать сюда трубача грача, а грачь трубачъ ужъ тутъ какъ тутъ стоитъ передъ Орломъ тише воды, ниже травы.

Труби трубачъ великій сборъ моимъ богатырямъ: беркутамъ, соколамъ, коршунамъ, ястребамъ, лебедямъ, гусямъ и всему птичьему роду, чтобы клювы точили, когти вострили; будетъ—де вамъ пиръ на весь міръ. А тому ли звѣриному царю разлетную грамоту неси за то де, что ты царь потатчикъ присяги не памятуешь, своихъ звѣришекъ, въ страхъ не держишь, нашихъ пернатыхъ жалобъ не разбираешь, вотъ за то де и подымается на тебя тьма тьмущая, сила великая; и чтобы тебѣ царю выходить со своими звѣришками на поле Арекское къ дубу Веретенскому.

Тѣмъ временемъ, выпавшись, проснулся Левъ и выслушавъ трубача бирюча зарыкалъ на все свое царство звѣриное; сбѣжались барсы, волки, медвѣди, весь крупный и мелкій звѣрь и становились они у того дуба завѣтнаго. И

налетала на нихъ туча грозная непроносная съ вожакомъ своимъ съ царемъ Орломъ, а билися обѣ рати не отдыхаючи три часа и три минуты, другъ друга не одолѣвая, какъ нагрянула западная сила, ночная птица, пугачъ, да сова, тутъ зубастый звѣрь мышъ первый на утекъ пошелъ. Доложили о томъ докладчики звѣриному царю, разсердился Левъ государь на зубастую мышъ: ахъ ты мышъ, мелюзга подпольная, изъ за тебя мелькой сошки бился я не жалѣючи себя, а ты же первая тыль показала! Тутъ велѣлъ Левъ отбой бить, замиренья просить; а весь награбленный хлѣбъ присудилъ воробью отдать, а мышъ подпольную, буде найдется, ему же воробью головою выдать. Мышь не нашли, сказываютъ: сбѣжала де со страху за тридевять земель въ тридесятое царство не въ наше государство. Воробышекъ разжился и сталъ у него что ни день, то праздникъ, гости видимо невидимо, вся крыша въ плотную засажена воробьями и чирикаютъ они на все село былину про мышъ подпольную, про воробья богатаго, да

ЛИСА ЗНАХАРКА.

Жила была кума лиса; надоѣло лисѣ на старости самой о себѣ промышлять, и вздумала отдохнуть, за медвѣжьей головой пожить; вотъ и пришла къ медвѣдю и стала проситься въ жилички: возьми меня, Михаила Потапычъ, я лиса старая, ученая, слыву знахаркой, можетъ ину пору и тебѣ въ пестуны пригожусь, мѣста займу не много, не объѣмъ не обопью, развѣ только послѣ тебя поживлюсь, косточки огложу. Медвѣдь долго не думавъ согласился. Перешла Лиса на житье къ Медвѣдю и стала осматривать да обнюхивать гдѣ что у него лежитъ. Мишенька жилъ съ запасомъ самъ до сыту наѣдался и лисаньку хорошо кормилъ. Вотъ запримѣтила она въ сѣнцахъ на полочкѣ кадочку съ медомъ, а Лиса, что Медвѣдь любитъ сладко поѣсть, лежитъ она ночью, да и думаетъ, какъ бы ей уйти да медку полизать: лежитъ, хвостикомъ постукиваетъ да медвѣдя спрашиваетъ: Мишенька, некакъ кто—то къ намъ стучится?

Прислушался Медвѣдь: и то, говорить, стучать.

Это, знать, за мной, за старой лекаркой пришли.

Ну чтожъ, сказалъ медвѣдь, иди.

Охъ куманекъ, что-то не хочется вставать!

Ну ну ступай, понукаль Мишка, я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слѣзла съ печи, а какъ за дверь вышла откуда и прыть взялась! вскарабкалась на полку и ну починать кадочку; фла фла, всю верхушку съѣла, до сыта наѣлась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружкомъ, заложила камешкомъ, все прибрала какъ у Медвѣдя было и воротилась въ избу какъ ни въ чемъ не бывала.

Медвѣдь ее спрашиваетъ: что кума далеколь ходила?

Близехонько куманекъ, звали сосѣди, ребенокъ у нихъ захвораль.

Что же полегчало?

Полегчало.

А какъ зовутъ ребенка?

Верхушечкой, куманекъ.

Не слыхаль такого имени, сказалъ Медвѣдь.

И, и, куманекъ, мало ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ!

Медвѣдь заснулъ и Лиса уснула.

Понравился Лисѣ медокъ, вотъ и на другую ночку лежить хвостомъ обѣ лавку постукиваетъ: Мишенька некакъ опять кто—то къ намъ стучится?

Прислушался Медвѣдь и говоритъ: и то кума стучать!

Это знать за мной, за старой лекаркой пришли!

Ну что же кумушка, иди, сказалъ медвѣдь.

Охъ, куманекъ, что—то не хочется вставать, старыя косточки ломать!

Ну ну ступай, понукаль Медвѣдь, я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слѣзла съ печи поплелась къ дверямъ, а какъ за дверь вышла откуда и прыть взялась! вскарабкалась на полку, добралась до меду, ѣла, ѣла, всю середку съѣла; наѣвшись до сыта, закрыла кадочку

тряпочкой, прикрыла кружкомъ, заложила камешкомъ, все какъ надо убрала и вернулась въ избу, а медвѣдь ее спрашиваетъ: далеко—ль кума ходила?

Близехонько, куманекъ, сосѣди звали, у нихъ ребенокъ захворалъ.

Чтожъ, полегчало?

Полегчало.

А какъ зовутъ ребенка?

Середочкой, куманекъ.

Не слыхаль такого имени, сказалъ медвѣдь.

И, и, куманекъ, мало—ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ, отвѣчала лиса. Съ тѣмъ оба и заснули.

Понравился, лисѣ медокъ, вотъ и на третью ночь лежитъ, хвостикомъ постукиваетъ да сама медвѣдя спрашиваетъ: Мишенька, некакъ опять къ намъ кто—то стучится?

Послушалъ медвѣдь и говорить: и то кума стучать.

Это знать за мной, за старой знахаркой пришли.

Что же кума, иди, коли зовутъ, сказалъ медвѣдь.

Охъ, куманекъ, что-то не хочется вставать, старыя косточки ломать, самъ видишь ни одной ночки соснуть не даютъ!

Ну ну вставай, понукалъ медвѣдь, я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса заохала, закричала, слѣзла съ печи и поплелась къ дверямъ, а какъ за дверь вышла, откуда и прыть взялась! вскарабкалась на полку и принялась за кадочку, ѣла, ѣла, всѣ послѣдки съѣла; наѣвшись досыта, закрыла кадочку тряпчочкой, прикрыла кружкомъ, пригнала камешкомъ и все какъ надо быть убрала. Вернувшись въ избу, она залѣзла на печь и свернулась калачикомъ, а медвѣдь сталъ лису спрашивать: далеколь кума ходила?

Близехонько, куманекъ, звали сосѣди ребенка полечить.

Чтожь полегчало?

Полегчало.

А какъ зовутъ ребенка?

Послѣдышкомъ, куманекъ,
Послѣдышкомъ, Потаповичъ!

Не слыхаль такого имени, сказалъ медвѣдь.

И, и, куманекъ, мало-ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ!

Медвѣдь заснулъ и лиса уснула.

Вдолгъ-ли вкороткъ-ли захотѣлось опять лисѣ медку, вѣдь лиса сластена, вотъ и прикинулась она больной: кахи, да кахи, покою не даетъ медвѣдю, всю ночь прокашляла.

Кумушка, вѣдь ты знахарка, говоритъ Мишка, хоть бы чѣмъ нинаестъ полечилась.

Охъ, куманекъ, есть у меня снадобьецо, только бы медку въ него подбавить и все какъ есть рукой сыметь.

Всталъ Мишка съ полатей и вышелъ въ сѣни, снялъ кадку — анъ кадка пуста! Куда дѣвался медъ! заревѣлъ медвѣдь, кума, это твоихъ рукъ дѣло!

Лиса такъ закашлялась, что и отвѣта не дала.

Кума, кто съѣлъ медъ?

Какой медъ?

Да мой, что въ кадочкѣ былъ?

Коли твой былъ такъ значить ты и съѣлъ, отвѣчала лиса.

Нѣтъ, сказалъ медвѣдь, я его не ѣлъ, все про случай берегъ; это знать ты, кума, сшалила?

Ахъ ты обидчикъ эдакій, зазвалъ меня бѣдную сироту къ себѣ, переманилъ съ роднаго пепелища, да и хочешь со свѣту сжить! нѣтъ, другъ, не на такую напалъ! не даромъ я знахарка, мигомъ виноватаго узнаю, развѣдаю кто медъ съѣлъ.

Вотъ медвѣдь обрадовался и говоритъ: пожалуста, кумушка, поворожи маленько.

Ворожба не мудрена: ляжемъ противъ солнца, у кого медъ изъ живота вытопиться, тотъ его и съѣлъ.

Вотъ легли, солнышко ихъ пригрѣло, медвѣдь захрапѣлъ, а лисанька скорѣй домой: соскребла по уторамъ послѣдній медокъ изъ кадки, вымазала имъ медвѣдя, а сама, умывъ лапки, ну Мишеньку будить: вставай вора нашла! Я вора нашла! кричить въ ухо медвѣдю лиса.

Гдѣ, заревѣлъ Мишка?

Да вотъ гдѣ, сказала лиса и показала Мишкѣ, что у него все брюхо въ меду. Мишка сѣлъ, протеръ глаза, провелъ лапой по животу, лапа такъ и льнетъ, а лиса его коритъ: вотъ видишь Михайла Потаповичъ, солнышко—то и попутало, медъ изъ тебя вытопило, впередъ куманекъ своей вины на другаго не сваливай! Сказавъ это, лиска махнула хвостомъ, только медвѣдь и видѣлъ ее.

ӨОМА ДА ЕРЕМА

Жили были на деревнѣ два брата: деревня большая, четыре двора, восемь улицъ, стоитъ на горкѣ, а хлѣба ни корки; жили въ той деревнѣ мужики все богатые, дѣвать денегъ некуда, а кошеля купить не на что. Вошли Өома съ Еремой во всѣ года, борода у нихъ выросла, ума не вынесла, голова съ лукошко, да мозгу никрошки!

Задумали братья пашню пахать, рожь у нихъ не выникла, яровое не возшло, они соху да борону сломали, по вѣтру раскидали. Вздумали сгадали въ лѣсъ на

охоту идти: зайцевъ не видали, отъ волковъ сами бѣжали. Пошли на озеро удить, рыба не клюетъ, а Оома съ досады брата за усъ деретъ, Ерема во все горло реветъ. Рыбы не поймали, поплавки оборвали, удилица поломали, а ласы въ тростникѣ увязили. Сѣли они въ лодку, забрали мережи, хотѣли неводомъ осетра поймать, да лодка утла, ладами потекла, вотъ они въ ней двое сутокъ тонули, ко дну не пошли, добрые люди спасли. Сѣли братья сушиться на бережокъ, встряхнули рожокъ о коблучекъ, понюхиваютъ табачекъ, видятъ плыветъ мимо ихъ стая сѣрыхъ гусей, схватилъ Оома хворостину, а Ерема сгребъ булыжникъ, Оома кинулъ не докинулъ, Ерема кинулъ перекинулъ. Видятъ братаны въ озерѣ звѣзды отсвѣчиваютъ, думаютъ серебряныя деньги, схватили рѣшета и ну ихъ ловить: руки отмахали звѣздъ не набрали. На завтра Оома съ Еремой пошли опять на промыселъ: за мухой съ обухомъ, за комаромъ съ топоромъ, мухи не поймали, комара не сыскали. Сговорились братья ѣхать въ торгъ торговать, накупили

холстовъ, поѣхали въ Ростовъ, ѣхали не путемъ, поганяли кулакомъ, въ Ростовъ не пріѣхали, семи верстъ не доѣхали, холсты у нихъ покрали, лошадь потеряли, телегу на себѣ домой повезли. Эхъ Ерема, Ерема, сидѣль бы ты дома да точиль веретена! Люди съ умомъ торгуютъ, а безъ ума горюють.

ВОЛКЪ ДУРЕНЬ.

Уродился волкъ дурнемъ, выросъ съ копну, голова съ котелокъ, а ума съ ноготокъ: пойдеть ли бывало на покормъ, всѣхъ собакъ перебудить, собаки залаять замечутся и убѣжить волкъ голодный во свояси; приляжетъ ли гдѣ соснуть, растянется на самомъ торномъ мѣстѣ, хотъ объѣздомъ объѣзжай его; благо что не попадался на охотниковъ. Вотъ разъ видитъ волкъ идетъ лѣсомъ борзая собака, большая, пребольшая, зубастая, презубастая; да такая хилая, что еле бредеть, изъ стороны въ сторону пошатываясь. Дайка я съ ней спознаюсь погударю, о томъ, о семъ покалякаю, а на

послѣдяхъ и съѣмъ, думаетъ волкъ. Вздумано, сгадано на половину дѣло сдѣлано, отъ такого волчища гдѣ уйти больной собакѣ!

Вотъ съли они рядышкомъ и стали разумныя речи вести; собака рассказала какъ жила она у охотника, не больше не меньше трехъ годовъ, какъ съ нимъ на всякую охоту хаживала, всякую службу служивала, да и дослужилась до такой милости, что ее хилую полѣномъ со двора согнали. Выслушалъ волкъ, разжалобился и сталъ самъ про свое горемычное житье сказывать: какъ онъ недѣлю проголодавши напалъ на быка, а быкъ поднялъ его на рога да метнулъ кверху, разъ метнулъ, другой метнулъ, да и хватилъ о земь, чуть до смерти не убилъ! Опамытывавшись гляжу, говорить, надо мной стоитъ кума лиса; сжалилась она да и говорить: худой у тебя разумъ, Левонъ Иванычъ, зачѣмъ спереди на быка нападалъ, ты бы къ нему тихохонько сзади подкрался. Ну вотъ я это дѣло смекнулъ и какъ только перевалился, послѣ быковыхъ побоевъ, то и пошелъ на

промысель; увидалъ въ полѣ коня, тихохонько подкрался къ нему сзади и только было схватилъ его за ногу, какъ онъ взвился на дыбы, да какъ хватить меня задними копытами — я тутъ и присѣлъ! Вотъ Терзаюшка, послѣ этого и слушай народъ: спереди подошелъ, быкъ передомъ чуть не убилъ, сзади подошелъ, конь задомъ чуть не убилъ! съ той поры закаялся я съ крупнымъ скотомъ связываться. Однако голодъ не свой братъ, не ждетъ, пошелъ вечеръ по добычу, повстрѣчалъ свинью съ поросятами; я на нее, а она какъ добрая говорить: постой, волченька, дай напередъ поросятъ перемытъ, вишь какіе грязные, что тебѣ ротъ марать! Ну, молъ ладно, иди, а я за тобой слѣдомъ пойду. Пошли. Пришли къ мельницѣ, свинья мнѣ и говорить: ты—де Левонъ Иванычъ становись по ту сторону заставки, гдѣ нѣту воды, а я стану въ водѣ дѣтокъ мыть, да тебѣ по одиночкѣ въ пасть швырять. Мнѣ это дѣло полюбилось, ладно, говорю я, разинулъ пасть пошире и жду стою подъ мостомъ, а свинья ухватила

заставку зубами да и вытащила ее; вотъ какъ вода то свиснетъ да хлынетъ прямо на меня, чуть не захлебнулся, а вода—то все прибываетъ да прибываетъ, я хочу на берегъ вылѣзть, а вода съ ногъ сбиваетъ, сбила, да такъ и несетъ, чуть было не утонулъ! кой—какъ выбрался, а ѣсть смерть хочется! вижу идетъ козель, я къ нему, говорю: стой, козель, ужъ видно теперь смерть твоя пришла, я съѣмъ тебя! а козель мнѣ на это: ужъ коли взаправду конецъ мой пришелъ, такъ стало быть дѣлать нечего, надо погибать! Стой же ты, Левонъ Иванычъ, на ногахъ покрѣпче, да разинь ротъ пошире а я разбѣжавшись вскочу самъ къ тебѣ въ пасть! Вотъ я волкъ ученый оглядѣлся кругомъ, нѣтъ ли гдѣ мельницы, нѣтъ ли воды, воды нѣтъ да и мельницы не бывало, сталь, разинулъ зѣвъ и жду козла, а козель какъ разбѣжится да ударить меня рогами, одинъ глазъ вовсе вышибъ, а другой больно помялъ, самъ же даль тягу! Вотъ, другъ Терзай, какія невзгоды бываютъ нашему брату, кабы ты не

подвернулся такъ я бы сегодня, а можетъ и завтра голодалъ.

Терзай смекнулъ волчью дурость и говорить: жаль мнѣ тебя волченька, только и отъ меня плоха пожива будетъ; вотъ кабы далъ ты мнѣ оправиться, повыздоровѣть, да тѣмъ временемъ послаще покормилъ, такъ увидалъ бы меня въ тѣлѣ и скушалъ бы всласть!

Понравились такія речи волку, пошелъ онъ на промыселъ, засѣлъ у дороги ждать, вотъ погналъ пастухъ стадо, волкъ бросился въ самую середку, овцы шарахнулись, а нашъ сѣрый выхватилъ овцу изъ середки, взвалилъ на себя и понесъ домой. Принесъ, разорвалъ на части и говорить: кушай, отъѣдайся Терзаюшка а какъ отъѣшься, да въ настоящее тѣло войдешь, тогда я тебя съѣмъ.

Ну они и принялись вдвоемъ ѣсть овцу, до сыта наѣлись и на утро покинули. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Терзай съ волкомъ за обѣдомъ сидятъ. Поѣли, отдохнули, волкъ опять пошелъ стадо караулить: какъ поровнялись съ нимъ овцы

онъ и вскочилъ въ самую середку, овцы шарахнулись, онъ выхватилъ одну, взвалилъ на себя и понесъ собакѣ. Принесъ и говоритъ: на, кушай, отъѣдайся Терзаюшка, а какъ отъѣшься, да въ настоящее тѣло войдешь, такъ я тебя съѣмъ! Вотъ и принялись собака съ волкомъ вдвоемъ овцу уплетать, ѣли, ѣли до отвалу наѣлись и на утро покинули. На третій день тоже, ни свѣтъ ни заря а Сѣрый съ Терзаемъ овечку доѣдаютъ. Поѣли, отдохнули, волкъ опять пошелъ на промыселъ, да вернулся ни съ чѣмъ, злой презлой: пастухъ вишь обзавелся собаками, а волкъ собакъ не долюбливаетъ. Вотъ и сталъ нашъ дурень на Терзая покашиваться да къ нему подбираться; Терзай самъ не промахъ, догадался, да и говоритъ: вотъ я, Левонъ Иванычъ, овцу съ тобой съѣлъ?

Съѣлъ, говоритъ волкъ.

И другую съѣлъ?

И другую съѣлъ, отвѣчаетъ волкъ.

Теперь кабы мнѣ говядинки добыть такъ ужъ вотъ какъ есть въ настоящее бы тѣло вошелъ!

Ладно, сказалъ волкъ, и пошелъ добывать говядины. День прошелъ, другой прошелъ, нѣтъ волка, а Терзай той порой и выздоровѣлъ и оправился; на третій день идетъ волкъ и тащить телка; ну, говоритъ, виноватъ Терзаюшка, говядины нѣтъ, а покушай телятинки. Ну, что съ тобой станешь дѣлать, нахмурясь отвѣчаетъ собака, подавай хоть телятины!

И принялись они ѣсть теленка, ѣли, ѣли, до сыту наѣлись, и на другой день ѣли, и на третій осталось. Вотъ на четвертый день волкъ спрашиваетъ: Терзаюшка, а Терзаюшка въ тѣлѣ-ль ты? а самъ его лапкой щупаетъ.

Какъ оцетинится Терзай да вскочить, да ну волка трепать! волкъ отъ него, Терзай за нимъ, волкъ бѣжитъ, Терзай гонки задаетъ; вотъ бѣжалъ бѣжалъ волкъ да вдругъ провалился въ волчью яму. Волкъ воетъ, Терзай лаетъ, сбѣжались собаки, собрались мужики и доканали волка, а Терзая къ себѣ на службу взяли.

МЕДВѢДЬ ПОЛОВИНЩИКЪ

Жиль былъ мужичекъ, въ крайней избѣ на селѣ, что стояла подлѣ самага лѣсу, а въ лѣсу жилъ медвѣдь, и что ни осень заготовлялъ себѣ жилье, берлогу, и залегалъ въ нее съ осени на всю зиму, лежалъ да лапу сосалъ. Мужичекъ же весну, лѣто и осень работалъ, а зимой щи и кашу ѣлъ, да кваскомъ запивалъ. Вотъ и позавидовалъ ему медвѣдь, пришелъ къ нему и говоритъ: сосѣдушка, давай задружимся!

Какъ съ вашимъ братомъ дружитья: ты Мишка, какъ разъ искалѣчишь! отвѣчалъ мужичекъ.

Нѣтъ, сказалъ медвѣдь, не искалѣчу, слово мое крѣпко, вѣдь я не волкъ, не лиса, что сказалъ то и сдержу! Давай—ка станемъ вмѣстѣ работать!

Ну ладно, давай! сказалъ мужикъ; ударили по рукамъ.

Вотъ пришла весна сталъ мужикъ соху да борону ладить, а медвѣдь ему изъ лѣсу вязкѣ выламываетъ да таскаетъ; справивъ дѣло, уставивъ соху, мужикъ и говоритъ:

ну Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать. Медвѣдь впрягся въ соху, выѣхали въ поле; мужикъ, взявшись за рогаль, пошелъ за сохой а Мишка идетъ впереди соху на себѣ тащить; прошелъ борозду, прошелъ другую, прошелъ третью, а на четвертой говорить: не полно ли пахать? Куда тебѣ! отвѣчаетъ мужикъ, еще надо дать концовъ десятка съ два!

Измучился Мишка на работѣ, какъ покончилъ, такъ тутъ же на пашнѣ и растянулся.

Мужикъ сталъ обѣдать, накормилъ товарища да и говорить: теперь Мишенька соснемъ, а отдохнувши надо вдругорядѣ перепахать, и въ другой разъ перепахали.

Ладно, говорить мужичекъ, завтра приходи, станемъ боронить и сѣять; только уговоръ — лучше денегъ: давай напередъ положимъ, коли пашня уродить, что кому брать: все ли поровну, все ли по-поламъ, или кому вершки, а кому корешки?

Мнѣ вершки, сказалъ медвѣдь. Ну ладно, повторилъ мужикъ твои вершки, а мои корешки. Какъ сказано такъ и сдѣлано;

пашню на другой день заборонили, посѣяли рѣпу и съизнова заборонили, да еще разъ на пашнѣ же подтвердили: медвѣдю вершки мужику корешки. Пришла осень, настала пора рѣпу собирать, снарядились наши товарищи, пришли на поле, повытаскали, повыбрали рѣпу: видимо невидимо ее! Сталь мужикъ Мишкину долю, ботву срѣзывать, вороха навалиль съ гору, а свою рѣпу на возу домой свезъ. И медвѣдь пошелъ ботву въ лѣсъ таскать, всю перетаскаль къ своей берлогѣ; присѣль, попробоваль, да видно не по вкусу пришлась!... Пошелъ къ мужику, поглядѣль въ окно; а мужичекъ напариль сладкой рѣпы полонъ горшокъ, ѣсть да причмокиваетъ. Ладно подумаль медвѣдь впередъ умнѣ буду!

Медвѣдь пошелъ въ лѣсъ, залегъ въ берлогу, пососаль, пососаль лапу да съ голодухи заснулъ и проспаль всю зиму.

Пришла весна, поднялся медвѣдь худой, тощій голодный и пошелъ опять набиваться къ сосѣду въ работники, а мужикъ тому и радъ. Справили соху съ бороной, впрягся

медвѣдь и пошелъ таскать соху по пашнѣ, умаялся, упарился сталъ въ пень и легъ отдохнуть; мужичекъ самъ поѣлъ, медвѣдя накормилъ и легли оба соснуть; выпавшись мужикъ сталъ Мишку будить: пора—де въ другорядъ перепахивать; нечего дѣлать принялся Мишка за дѣло! Какъ кончили пашню, медвѣдь и говоритъ: ну мужичекъ уговоръ лучше денегъ давай условимся теперь на этотъ разъ вершки твои а корешки мои, ладно что—ли?

Ладно! сказалъ мужикъ, твои корешки мои вершки!

Ударили по рукамъ. На другой день пашню заборонили, посѣяли пшеницу, прошли по нивѣ бороной и еще разъ тутъ же помянули, что теперь—де медвѣдю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать, мужикъ жнетъ не покладаючи рукъ; сжалъ, обмолотилъ и на мельницу свезъ; принялся и Мишка за свой пай, сталъ ожинъ дергать, надергалъ соломы съ корнями цѣлыя вороха и пошелъ таскать въ лѣсъ къ своей берлогѣ, всю солому переволокъ, сѣлъ на

пенекъ отдохнуть, да своего труда отвѣдать, пожеваль соломки, не хорошо! пожеваль корешковъ, не лучше того! Пошелъ къ мужику, заглянулъ въ окно, а мужичекъ сидить за столомъ пшеничныя лепешки ѣсть, бражкой запиваетъ, да бороду утираетъ. Видно ужъ моя такая доля подумаль медвѣдь, что изъ моей работы проку нѣтъ: возму вершки, вершки не годятся, возму корешки, корешки не ѣдятся! Тутъ Мишка съ горя залегъ въ берлогу и проспаль всю зиму, да ужъ съ той поры не ходиль къ мужику въ работу. Коли голодать, такъ лучше на боку лежать.

ОМА СЪ ЕРЕМОЙ МОСКВУ СМОТРЯТЬ.

Ахъ ты матушка Москва православная, бѣлокаменная, златоглавая, хлѣбосольная, словоохотливая! Кто въ Москвѣ не бываль, красоты не видалъ, говоритъ народъ, а Ома съ Еремой слушаютъ, да себѣ на усъ мотають, и разобрала ихъ охота Москву посмотреѣть. Что далеко ходить? взобрались кое-какъ на сосѣднія сосны, глядь по глядь

а Москвы не видать! До ночи просидѣли, глаза просмотрѣли, а Москвы не наглядѣли. Вотъ вздумали, сгадали, въ путь собрались, московскаго хлѣба–соли поѣсть, на бѣлокаменную посмотреть, да ее словоохотства послушать. Шли, шли, пришли въ какой–то городъ; а городъ затѣйный, что ни домъ, то съѣстной да питейный.

Это чтоль Москва, крикнулъ Оома?

Куда тебѣ Москва! до матушки Москвы еще два дня ходу, молвилъ мужичокъ съ возу, а вы въ Москву что–ли?

Въ Москву.

Такъ садитесь, намъ по пути, мы Сосновскіе, веземъ въ Москву овесъ.

Ладно. Съли, поѣхали, долго–ли коротко–ли ѣхали, а на другой день чѣмъ свѣтъ ужъ и въ Москвѣ.

Стали Сосновскіе на базарѣ, а Оома съ Еремой пошли хлѣба–соли отвѣдать, походили, походили, никто въ гости не зоветъ. Вотъ завидѣли пирожника съ лоткомъ, пирожникъ бѣжить по морозу да покрикиваетъ:

Вотъ пироги, у насъ горячи:
Берутъ купцы, ядятъ подъячіе!
Вотъ съ печенкой, вотъ гусачьи;
Вотъ пироги изъ печи горячи,
Кипятъ, прѣютъ, на жару спѣютъ,
Шипятъ, кипятъ, чуть не говорятъ!

Наши братаны къ пирожнику: хлѣбъ да соль! а имъ въ отвѣтъ: ѣшь да свой!
Почесали затылки, пошли въ красные ряды, сладкой мезги* покупать: а ихъ сидѣльцы на смѣхъ подымаютъ, такого де товара мы споконъ вѣка не видали!

Нечего дѣлать, пошли Оома съ Еремой по городу шататься, московскихъ сластей искать: зашли на площадь, что сплошь бѣлымъ плитнякомъ вымощена, узорчатой рѣшеткой огорожена; Оома съ Еремой обрадовались, думали, что тутъ—то базаръ и есть: вбѣжали на паперть, захлопали рукавицами, да какъ заорутъ: тутъ что ли Сосновскіе мужики овесь ссыпаютъ? Вотъ

* Мезга густой сокъ сосны подъ корой, который по осени твердѣетъ и обращается въ блонь, а весною снова приливаетъ.

народъ на нихъ и вскинулся: что орете а шапки не ломаете!

А что, спросили братаны, аль староста тутъ?

Эхъ вы дураки, не видите что въ соборъ вошли! Взяли ихъ подъ руки, вывели изъ церкви, да и показали Ивана Великаго; ослѣпли чтоль друзья, не видите что въ кремль затесались!

Батюшки свѣты, высь то высь какая! вскрикнули Оома съ Еремой, и какъ это крестъ на макушку воткнули?

Эхъ вы, сказаль служивый, и по бородѣ знать, что лопатой звать, вѣстимо какъ ставили: нагнули да и воткнули!

Ой ли? ай да Москвичи! молвили братаны и разинули рты.

Глядь—ка глядь Ерема вѣдь на крестъ—то наша ворона, и стали шугать да на ворону руками махать, а ворона ни гугу, знать дураковъ своими не признала.

Народу собралось видимо не видимо около Оомы съ Еремой и стали ихъ на смѣхъ подымать. Подошелъ еще тутошній

московскій дуракъ, поглядѣль на дураковъ, плюнуль да и говорить: эка де невидаль!

Вотъ въ сумеркахъ Сосновскіе повстрѣчали Ѳому съ Еремой; здорово, говорятъ.

Здорово.

Что, чай все сайки, да калачи съ пирогами ѣли, да медкомъ запивали?

Замотали Ѳома съ Еремой головами и стали оплевываться: вотъ де сказываютъ Москва сластена, всего у нея вдоволь, только что птичьяго молока нѣтъ, анъ Москва бьетъ съ носка, накормили насъ такимъ добромъ, что о сю пору на сердцѣ мутить съ души преть!

Какъ такъ? спросили Сосновскіе. Вотъ и стали братаны про все сказывать, какъ они ждали среди улицы угощенья, московской хлѣба—соли, какъ не дождавшись пошли сами на свой грошъ промышлять сластей добывать; Еремѣ де приглянулась бѣлая масляная палочка, Ѳома облюбоваль сѣрый пряникъ въ полкирпича; присѣли на камень, да тутъ же и закусили, и не успѣли всего съѣсть какъ ихъ съ московскихъ

гостинцевъ съ души скинуло, а гостинцы вотъ какіе: Ерема съѣлъ сальную свѣчу, а Оома брусокъ сѣраго мыла; они на своей деревнѣ ни свѣчи, ни мыла отъ роду не видывали. Дураки, дураки, молвили имъ Сосновскіе, вольно-жъ вамъ свѣчи да мыла не признать!

Вѣдь мы люди не грамотные, ѣдимъ пряники не писанные, отозвался Оома, что былъ побойчѣе.

Въ гостяхъ хорошо а дома лучше: собралися братаны идти во свояси. Вотъ, идучи путемъ дорогой, запримѣтилъ Ерема тучу.

Глянь-ка Оома, какая бѣда, говоритъ Ерема, вѣдь градовая туча несется! а самъ что осиновый листъ трясется.

Ну, какая тамъ бѣда приснилась, вишь дуракъ тучи испугался!

Да вѣдь градъ пойдетъ насъ побьетъ!

Какой градъ, дождь будетъ.

Анъ градъ!

Анъ дождь!

Нѣтъ градъ!

Нѣтъ дождь!

Туть **Өома** озлился, нехочу говорить съ дуракомъ, да хватъ **Ерему** кулакомъ, а нашъ **Еремей** самъ не ротозей, самъ сдачи даль.

Ни градъ, ни дождь нейдетъ, а у **Өома** съ **Еремой** кровь изъ носу льетъ!

Хоть рыло въ крови, да наша взяла, говоритъ **Өома**, а **Ерема** про себя думаетъ худой мiръ лучше доброй драки не все таской ино и лаской.

Вотъ такъ-сякъ братья промежь себя поладили, встали пошли; долго-ли коротко-ли шли, видятъ стоитъ деревня, **Өома** и говоритъ: придемъ въ деревню бабы поставятъ намъ молока, знатно похлебаемъ! **Ерема** облизнулся да и примолвилъ; а я въ молочко хлѣбца покрошу!

Нѣтъ не кроши!

А вотъ покрошу!

Не кроши, тебѣ говорятъ, молоко проквасишь!

А вотъ же покрошу, сказалъ **Ерема**! **Өома** вцѣпился брату въ волоса, и другъ дружку славно оттаскали. Пришли въ

деревню, а молока имъ никто не далъ, пока они дрались, хозяевы все сами поѣли.

МЕЧКА (медвѣдица.)

Въ лѣсу, подъ колодою въ берлогѣ, жила была медвѣдица съ медвѣжатками. Еще съ осени надрала она моху, постлала постель и залегла на зиму. Какъ пришла весна такъ поднялась она добывать про семью свою — кормъ, медвѣжаткамъ же строго настрого наказала не ссориться, не ревѣть, лежать смирно, да про все, про что послышать, сказывать ей. Ладно, отвѣчали медвѣжатки, а какъ мать ушла, такъ и вѣѣпились другъ въ друга и пошла у нихъ поволочка по всей берлогѣ. Неподалеку оттуда было зайкино логовище; вотъ сѣренькій наостря ушки слушаетъ: что бы это такое было, думаетъ онъ, собаки не собаки, волки не волки, а словно гдѣ-то телята орутъ, дай пойду поразвѣдаю! Вотъ заяка, прижавъ ушки къ макушкѣ, пошелъ тихонько пробираться по лѣсу, дошелъ до берлоги, глянулъ въ нее и покатился со

смѣху, увидавъ толстыхъ неуклюжихъ медвѣжатъ, которые потчивали другъ друга заушинами и ревѣли во все медвѣжье горло!

Эхъ вы дурачье, сказалъ заяка плюнувъ, только званья что медвѣжьи дѣтки, а хуже свиныхъ поросятъ, сказалъ да какъ прыснетъ отъ берлоги! Ему почудилось сырѣ-борѣ трещить, а это медвѣдица домой идетъ.

Вотъ пришла она сытая, веселая и стала медвѣжатъ спрашивать: не ссорились ли они безъ нея?

Куда намъ ссориться, мы безъ тебя все другъ дружку лизали, да на ушко сказки сказывали, и все бы хорошо было, да ужъ больно заяцъ насъ разобидѣлъ, онъ насъ, твоихъ дѣтеньшей, обозвалъ свинными дѣтками и плюнулъ на берлогу нашу.

Обидѣлась, разсердилась медвѣдица и говорить: вотъ ужо, косою, постой, я те улью шей на ложку, будешь моихъ дѣтокъ поросятами обзывать! У, у, у, заревѣла она и пошла на заячье логово, а сѣрый, задравъ уши, понесся что духу въ самую трущобу; мечка за нимъ, онъ отъ нея, она за нимъ,

онъ со страху шмыгнуль сквозь расколотый грозою кряжъ, она сунулась за нимъ, да и завязла! Вотъ она и туда и сюда порывается, а кряжъ держитъ, словно капканомъ охватило! Какъ быть? вотъ и слышитъ она, кто-то по лѣсу ѣдетъ да пѣсенки попѣваетъ; это знать мужичекъ изъ сосѣдней деревни, дай, думаетъ покучусь ему, попрошу, ину пору, сказываютъ, у человѣка на милость образца нѣтъ; вотъ, какъ завидѣла она мужика и стала его ублажать: добрый человѣкъ, выпусти ты меня изъ проклятой лещедки, а ужъ я твоей милости вѣкъ не позабуду и для первоначала бортью поклонюсь укажу гдѣ пчелы привились.

Задумался мужичокъ — бить или не бить мечку? убить ее хорошо, первымъ дѣломъ худая трава изъ поля вонъ, да и за шкуру цѣлковыхъ пять дадутъ; не убить также хорошо, бортями обзаведусь, пчеловодомъ буду, медомъ да воскомъ торговать стану и въ купцы выду! Ну была не была! подумаль онъ, схватилъ топоръ и ну пень расклинивать да колоть; расщепилъ на

двое, выпустиль медвѣдицу, а та ему поклонъ да и повела борть казать, сама же дорогой говорить: я тебѣ не одну борть укажу, только ты головушки моей не срами, никому не сказывай, что я, старая медвѣдица, изъ за такой дряни, изъ-за сѣраго зайчишки, чуть было головы не сложила!

Нашъ мужикъ на радостяхъ все обѣщаль, слазиль на дерево, меду нарѣзаль и поѣхаль домой. Медвѣдицу той порой взяло раздумье, что, если мужичекъ на бѣду проговорится? Вѣдь позору не оберешься, пойдуть толки да пересуды. Вотъ и пошла она за мужикомъ слѣдомъ, пришла въ деревню, схоронилась за тынь и стала слушать, а на дворѣ у мужика радость, пиръ горой, ребята хлѣбъ съ медомъ ѣдятъ, да отца выпрашиваютъ: откуда тятя медку добыль? и жена пристала, скажи да скажи, кто борть указаль? Мужичекъ на радостяхъ все семьѣ рассказаль; вотъ и стали они зайца величать, а надъ медвѣдицей издѣваться.

Ладно же свѣтъ мой мужичекъ, думаетъ мечка, смѣшки твои слезами отольются!

Съ той поры стала она мужика подстерегать. Вотъ поѣхалъ онъ разъ въ поле хлѣбъ сѣять; глядь а медвѣдица на дорогѣ ошетиная сидитъ, его поджидаетъ.

Здорово мечка! крикнулъ онъ ей, а та, ставъ на дыбы, реветъ: такъ—то ты свое слово держишь, добро бы нашъ братъ звѣрь, а то говоритъ человѣкъ, а лукавишь! уговаривался небось молчать, а какъ стали дѣти допытываться, такъ все и рассказалъ? теперь ужъ не прогнѣвайся, я тебя за это съѣмъ!

Мужикъ оробѣлъ и ну отпрашиваться, ну отмаливаться; а она и слышать не хочетъ, рычитъ свое: съѣмъ да и только! Пословица правду говоритъ: русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, вотъ какъ пришла бѣда, такъ и спохватился мужичокъ, что не ладно въ тѣ поры сдѣлалъ, хоть и не себѣ, такъ людямъ во вредъ лихаго звѣря помиловалъ; это первое, второе, слова не сдержалъ, коли

обѣщаль медвѣдицѣ про зайчыю обиду молчать, такъ и молчалъ бы!

Вотъ стала медвѣдица готовиться мужика ѣсть, стала когти точить. Вдругъ откуда ни взялася стая собакъ, тяфъ, тяфъ, тяфъ! а за ними охотники пафъ, пафъ, пафъ!

Тутъ пришелъ конецъ нашей медвѣдицѣ и не доточа когтей повалилась она мертвая. Мужичекъ съ перепугу долго хворалъ и съ той поры зарекся щадить лихаго звѣря, да не держать слова, и дѣткамъ и внукамъ говаривалъ: со звѣремъ, не снявъ съ него шкуры, не мирись, а самъ не давь слова крѣпись, а давь слово держись!

АКУЛЯ НЕДѢЛОВКА.

Старуха женила сына на дѣвкѣ изъ чужой деревни; всѣмъ бы молодка была хоть куда, и здорова, и видна, и румяна и бѣла, и изъ семьи богатой, взяли за ней приданого овцу да корову, да скрыню съ одежей; за Акулей была одна бѣда, съ лѣнцой да съ придурью уродилась, ей бы

только попить, поѣсть поспать, да дѣла невѣдать.

На первыхъ порахъ свекровь сноху всячески ублажала, и поздно будила, и сладко кормила, а сама всю бабью работу за двоихъ справляла. Вотъ разъ слышитъ она сноха въ избѣ голосомъ воетъ, словами причитаетъ: свѣтъ ты мой крошенинка, забыла я тебя, покинула у родимой у матушки! старуха со всѣхъ ногъ кинулась въ избу, что сношенька, чего тебѣ, о какой крашенинѣ поминаешь?

Да что дома у родимой на печи осталась!

А много ли аршинъ? сами красили, аль красильщикамъ отдавали? допытывала свекровь. Нишни, Акуля, мать не покорыстуется, отдасть.

Да, какъ не отдасть! чай мою—то крошенинку давнымъ давно съѣли! а я въ квасокъ—то густо нагусто хлѣба покрошила, да лучку съ маслицемъ положила!

Акуля помянула объ окрошкѣ, а свекровь ея думала, что она плачетъ о

крашеномъ холстѣ, изъ котораго бабы сарафаны шьютъ.

Разъ накроила свекровь сыну рубашекъ и сѣла съ невѣсткой шить. Сидитъ моя молодая, тычетъ иглой да пыхтитъ; глянула старуха на невѣсткинину работу и видитъ, что Акулина шьетъ не полюдски, отъ себя.

Акуля, что шьешь не оттуля?

Незамай матушка, я еще пороть стану. отвѣчала та.

Вотъ собралась старуха въ дальнее село, свою больную дочку провѣдать; стала она съ дѣтьми прощаться и наказываетъ сыну, чтобы жену любить, хорошо кормить, уму разуму учить; а ты, невѣстынька мужа слушайся, работу помни, сложа руки не сиди, послѣ каждого дѣла за прялку хватайся, за это станеть и мужъ любить и добрые люди хвалить!

Ладно, мамушка, сказала Акуля, поцѣловались они со свекровью въ двѣ щеки, поклонились другъ другу въ оба плеча малымъ поклономъ, да еще однимъ большимъ и разошлись каждая въ свою сторону.

Вотъ Акуля, помня свекровинь наказъ, за какое дѣло ни возмется, все за прялку схватится, творогъ ли отжимаетъ, тѣсто ли мѣситъ, уткамъ ли кормъ готовить, а сама хватъ да хватъ за прялку, да такихъ лепешекъ насажала, что мужъ всилу касаремъ отскребъ. Акуля съ дуру не уразумѣла свекровиныхъ словъ: та наказывала ей держаться за прялку умомъ, не покидать, не забывать ея, потому что прялка весь домъ одѣваетъ, а она, сноха, стала только за нее руками хвататься! Безъ старухи пришла на Акулю тяжелая пора: и печь затопи, и хлѣба испеки, и кашу завари, и щей приставь, одной не управиться! вотъ соскучась работой, затѣяла Акуля наша изъ дому бѣжать; напекла пироговъ, кокурокъ, лепешекъ, всякихъ сластей, уложила въ мѣшокъ, а сама побѣжала съ товаркой проститься, благо мужъ въ городъ на базаръ уѣхалъ. Анъ случилось на Акулину бѣду, что мужъ рано домой вернулся, увидалъ мѣшище и думаетъ: куда это моя баба собралась, что столько харчей наготовила? дай—ка я

мѣшокъ опростаю, самъ въ него сяду да за ней пригляжу! Какъ сгадаль, такъ и сдѣлаль. Пришла Акулина, схватила мѣшокъ, взвалила его на плеча и пошла домой, къ родной своей матери. Прошла версть пятокъ и хоть была она баба дюжая, сильная, а все же уморилась волоча мужа за плечами; вотъ спустила мѣшокъ, сѣла на пенекъ и говоритъ: сѣсть—бы сѣсть на пенекъ, сѣсть—бы сѣсть пирожокъ!

А мужъ изъ мѣшка какъ крикнетъ: эй жена, куда запропастилась, вотъ ужо, дай срокъ, нагоню я тебя!

Ахъ батюшки свѣты, некакъ хозяинъ въ погоню за мною побѣгъ! Тутъ схватила Акуля мѣшокъ и ну улепетывать отъ мужа, а не знаетъ того, что мужъ на ея же шеѣ сидитъ. Бѣжала, бѣжала, до смерти устала, сѣла опять на пенекъ, спустила мѣшокъ и говоритъ: сяду, сяду на пенекъ, сѣмь—ка, сѣмь пирожокъ!

Вотъ мужъ опять на нее крикнулъ. Акуля испугалась, опять схватила мѣшокъ, взвалила на себя и побѣжала черезъ силу.

Бѣжала, бѣжала, съ ногъ свалилась и говорить: ну теперь хоть самъ стань передо мной ни двинусь ни рукой ни ногой!

Вотъ самъ—то и вылѣзъ изъ мѣшка, да какъ крикнетъ на жену: ты это что меня въ мѣшокъ посадила, видно занести, да закинуть куда хотѣла?

Тутъ Акулина стала отмаливаться, отговариваться, что она де вѣдать не вѣдаетъ и знать не знаетъ какъ его вмѣстѣ съ пирогами въ мѣшокъ уложила.

Ну ладно, баба, на этотъ разъ прощу, а впередъ не проси, зашью самое тебя въ мѣшокъ, да вотъ какъ ты меня теперь такъ и я тебя на томже мѣстѣ и свалю.

Вернулись домой. Ужъ какая неохота Акулинѣ за дѣло приниматься, на коровъ съ телятами и не смотрѣла—бы, а птицы, хотя—бъ вовсе и въ заводѣ не было! Были—бы Акулинѣ печь да щи съ пирогами, а затѣмъ по ней хоть трава не расти!

Пришла пора хлѣбъ жать, вотъ мужъ и посылаетъ жену въ поле: поди—де, пожни, не лѣнись, а я поуправяюсь съ дѣлами, не сегодня—завтра, и самъ на жнитво приду. А

Акулина ему въ отвѣтъ: не покладаючи—де рукъ работать стану!

Напекла, настряпала баба всякой всячины, закинула серпъ на плечо и пошла дѣло дѣлать. Сперва наперво сѣла да поѣла, потомъ оглянулась, выбрала полосу погуще да повыше, выжала мѣстечко въ свой ростъ, опять поѣла, да и завалилась на ожинѣ спать; проспала до заката, встала, доѣла остатки и пошла домой. Вотъ какъ мужъ вернулся, такъ и сталъ спрашивать жену: много—ли нажала?

Да таки цѣлое мѣстечко выжала.

Ну ладно, сказалъ мужъ, значить одна полоса въ сторонѣ.

На другой день Акулина выжала другое мѣстечко и поѣвши поплотнѣе опять залегла спать. На третій тоже. На четвертый мужикъ самъ удосужился, и пошелъ жать; пришелъ въ поле, а всѣ его полосы стоятъ нетронутыя! Глядь поглядь, гдѣ снопы, гдѣ жена? сноповъ невидать, а жена такъ храпитъ, что во всемъ окологдѣ слышно. Вотъ мужичекъ нашъ побѣжалъ скорѣе домой, захватилъ ножницы, смолы

да пуху, выстригъ сонную бабу подъ гребенку, вымазаль ей голову смолой, осыпаль пухомъ и пошелъ опять какъ ни въ чемъ не бывало домой. Сколько ни спи, уже когда-нибудь да проснешься. Проснулась Акулина, пошла на ручей напиться; пьетъ а сама въ воду смотреть и говорить: что это словно не я воду пью? я это али не я? пойти развѣ у кого спросить, а не то лучше вотъ что сдѣлаю: пойду-ка домой, коли собака наша на меня залаетъ, такъ стало быть я не я. Вотъ и пошла наша Акуля въ деревню, а деревня пуста, въ ней нѣтъ ни души, всѣ въ полѣ на работѣ, заглянула въ свою избу и спрашиваетъ тихоничко въ окно: Акулина ваша дома? Мужъ смекнулъ въ чемъ дѣло, да и говорить: давно пришла, чего надо? Промолчавъ да вотъ постоявъ у воротъ, она стала жучку вызывать: жученька, голубушка, посмотри-ка ты на меня, я это али не я?

Послышавъ хозяйкинъ голосъ жучка вылѣзла, да какъ увидала Акулину, такъ и залаяла благимъ матомъ.

Вотъ баба наша со всѣхъ ногъ метнулась изъ деревни въ лѣсъ, бродила тамъ, не пивши не ѣвши, цѣлыя сутки и по сихъ поръ—бы ходила, кабы мужъ не сжалился, да не привелъ ее домой. Съ той поры полно дурить, лѣнь съ нея какъ рукой сняло! Пришла старуха свекровь, пріѣхала и родная мать на побывку къ зятю и обѣ старухи диву дались, какая у нихъ дочка работающая да смышленная стала!

АӨОНЯ ДУРАЧЕКЪ.

Жили были три брата; двое умныхъ Кирила да Гаврила, а третій дурачекъ Аөоня. Жили они дружно и хотъ старшіе братья меньшаго журили, а бить не били: вѣдь въ дуракѣ и Богъ не волень, ума къ кожи не пришьешь; ты стели ему вдоль, а онъ мѣритъ поперегъ, что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все не по людски, а по своему, по дурацкому разуму! Вотъ сидитъ онъ разъ на заваленкѣ, да на своей рожѣ мухъ бьетъ; извѣстно, что на дурака и муха падка. Идетъ сосѣдка, ищетъ ребенка и

говорить: охъ, охонюшки, не видалъ ли ты Аюнюшка моего Васьки?

Видѣль, говоритъ дуракъ.

Ахъ ты мой такой сякой разумный, гдѣ же и когда ты его видѣль?

А какъ невѣстка его была, говоритъ дуракъ, тогда видѣль!

Твоя невѣстка моего Васютку была! да за что же это она на него злодѣйка взѣлась?

А вотъ за что, говоритъ, по чужимъ огородамъ не ходи! да каково больно била—то, прибавилъ дуракъ, ажно жалко стало. А ты чего смотришь, не отняль, приставала сосѣдка.

Некогда было, невѣстка за веревкой въ клѣть посылала.

А на что ей понадобилась веревка? Ваську вязать.

Ахъ батюшки свѣты да нешто его.

Тутъ дуракъ испугался, что проговорился и началъ бабу просить, чтобы она никому не сказывала, какъ невѣстка Ваську была, да на веревку посадила и отвязывать запретила.

Вотъ и стала баба Аѳоню ублажать: Аѳонюшка, золотой мой паренекъ, хочешь рѣдички?

Не хочу.

Хочешь огурчиковъ съ кваскомъ?

Не хочу.

Хочешь калачика съ медкомъ?

Хочу, сказалъ дуракъ.

Такъ сослужи мнѣ службу, отвяжи ты моего Васеньку да выведи его ко мнѣ.

Ладно, сказалъ дуракъ и побѣжалъ въ хлѣвъ. Долго ли коротколи онъ тамъ возился, а вышелъ таки на дворъ, вытянувъ за собой на веревкѣ черного козла Ваську, да и говоритъ сосѣдкѣ: на возьми, только невѣсткѣ не сказывай.

Разсердилась баба что попусту время потеряла, чуть чуть не вцѣпилась Аѳонѣ въ волоса, да благо невѣстка вступилась. Баба плюнула на дурака и пошла дальше искать своего парнишку.

Затѣяли разъ Кирила съ Гаврилой къ празднику пиво варить, сварили, въ бочку слили, да въ погребъ бочку спустили. Стала хозяйка пивомъ хвалиться: ахъ кумушка

голубушка, какое у насъ къ празднику будетъ пиво, сущее диво, не успѣли въ бочку слить, а оно ужъ бродить и играть стало!

Дайка, думаетъ Аѳонюшка, погляжу я какъ пиво играетъ, чай въ свайку, въ лапту, аль въ чехарду? Пошелъ, поглядѣлъ на бочку и около, пива не видать; нагнулся къ ней и слышитъ что въ бочкѣ какъ въ ульѣ гудеть. А, а, такъ вонъ оно какъ играетъ, говоритъ Аѳоня, знать сердится, что его въ бочку заперли, дай ототкну затычку, незамай его разгуляется! Вотъ присѣлъ нашъ дуракъ къ бочкѣ и ну тянуть гвоздь бочка покачнулась, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пѣна брызнула и залепила глаза дураку; пока онъ ихъ теръ протираля, а пиво все до капли изъ бочки ушло и залило погребицу. Что дѣлать дураку! Взялъ коль и ну хлестать по пиву, приговаривая: вишь глупое и на просторъ то выпустить нельзя, полѣзай назадъ доколѣ невѣстка непровѣдала! Но пиво не слушалось дурака и въ бочку не шло. Разсердился Аѳоня, забронилъ пиво,

захлесталь его пуще прежняго. На крикъ дурака сбѣжались братья, увидали бѣду, выгнали дурака изъ погреба, зная пословица правду говорить, съ дураками пива не сварить, а и сварить такъ не разопьешь. Пуще же всѣхъ осерчала невѣстка: не хочу съ дуракомъ жить, пусть его въ люди идетъ уму разуму учиться!

Вотъ и отдали дурака въ заработки, а на тяжелую работу куда какъ онъ былъ дюжъ! Гаврила съ Кирилой ударили за брата по рукамъ, выговорили ему харчей въ волю, одежду: зипунъ, сапоги, шапку, да красный кушакъ, да по три деньги въ день! Увезли дурака за тридевять верстъ, пожилъ дуракъ тамъ безъ году недѣлю, соскучился по родной печи, по жучкѣ, по братьямъ, да по сердитой невѣсткѣ; простился съ хозяевами, обулся, одѣлся и пошелъ во свояси. Вотъ идетъ онъ путемъ дорогой, летитъ грачъ, кричитъ каръ, каръ, красны сапоги, красны сапоги, а Аѳонъ показалось, что грачъ кричитъ: крадены сапоги, крадены сапоги! онъ снялъ сапоги, бросилъ ихъ, и пошелъ далѣе. Летитъ синичка,

кричить зинь, зинь, зинь, а Аѡнѣ показалось, что синичка кричить: скинь, скинь, скинь! онѣ снялъ кафтанѣ и бросилѣ его на дорогѣ, а самѣ пошелѣ, не обутой не одѣтый, погода же стояла куда какая морозная. Вотѣ пришелѣ домой; первая завидѣла его невѣстка.

Здорово братѣ Аѡня, что больно на легкѣ пришелѣ, спросила она, гдѣ одежда.

На дорогѣ оставилѣ.

Что такѣ?

Да вотѣ такѣ и такѣ, тутѣ дуракѣ ей все рассказалѣ. Баба всплеснула на него руками: эхѣ Аѡня Аѡня, на головѣ—то густо, да въ головѣ пусто; тебѣ съ твоимѣ умомѣ, только пугаломѣ въ горохѣ сидѣть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а все же напоили, накормили, и на печь спать уложили.

Досталась Аѡнѣ послѣ крестнаго отца корова, скотинка диковинная, съѣдала въ день по копнѣ, а молока давала по ложкѣ. Кирила съ Гаврилой рѣшили чернаву продать. Услыхалѣ про то дуракѣ, накинулѣ коровѣ на рога веревку и не

сказавшись братьямъ, повель ее продавать. Шель шель, зашелъ въ лѣсъ, а въ лѣсу стоитъ сухая береза, покачивается да поскрыпываетъ. Вотъ думаетъ дуракъ, зная это купецъ корову торгуетъ; изволь, говорить, братъ, дешево отдамъ. А береза пуще прежняго по вѣтру закачалась да заскрипѣла.

Что, аль денегъ пообождать надо? спросиль дуракъ, изволь обожду до завтра! Взяль корову, привязаль къ сухому сучку, а самъ пошелъ домой. Дома братья переполохнулись: гдѣ корова, гдѣ дуракъ? а сосѣди имъ въ отвѣтъ: Аюня—де пошелъ въ лѣсъ и корову на привязи повель. Вотъ Гаврила съ Кирилой побѣжали слѣдомъ за дуракомъ и повстречали его на перекресткѣ.

Гдѣ былъ, куда дѣль корову?

Кто я? спросиль дуракъ, въ торгу былъ!

А корова гдѣ?

Продалъ.

А деньги гдѣ?

Маленько пообождать просили.

Смотри, дуракъ, чтобъ не обманули!

А это на что? спросилъ Аюня, вытягивая кулачище.

Братья приступили къ нему: кому продалъ, сказывай!

А я почему знаю? земляку продалъ, твердилъ Аюня, и больше отъ него ничего не добились. На другой день чѣмъ свѣтъ Аюня всталъ и пошелъ въ лѣсъ къ сухой березѣ, а береза все стоитъ да поскрипываетъ, коровы же на привязи не видать, должно быть прохожіе взяли либо волки съѣли.

Что землякъ, аль еще обождать? спросилъ дуракъ, изволь такъ и быть, до завтра подожду, а ужъ завтра смотри на меня не пѣняй! Пришло завтра, Аюня чѣмъ свѣтъ собрался, заткнулъ за поясъ топоръ, засучилъ про запасъ рукава и пошелъ въ лѣсъ, а береза стоитъ да пуще прежняго раскачивается. Ну нѣтъ землякъ, не на такую напалъ, сказалъ Аюня, да какъ хватить березу топоромъ, разъ, другой, пятый, десятый; дуракъ съ сердцовъ такъ рубить, что щепы за опушку летятъ. Вдругъ изъ дупла выпала кубышка, а изъ

кубышки посыпались серебряныя деньги, а это вишь былъ кладъ. Дуракъ поднялъ кубышку, собралъ денги и примолвилъ: вѣдь говорилъ я тебѣ землякъ, что шутить съ тобой не стану, кулаковъ не пожалѣю, и пошелъ домой. Пришелъ, а братья вскинулись на него, аль опять безъ денегъ вернулся? Тутъ дуракъ съ хохотомъ бросилъ на столъ кубышку, вотъ говоритъ, вамъ корова, берите! Кубышка упала, крышка скатилась, денги разсыпались. Увидавъ такую пропасть денегъ, братья перепугались, гдѣ взялъ такое богатство? спросили Кирила съ Гаврилой.

Землякъ даль, отвѣчалъ Аѳоня.

За корову ту?

За корову.

Ну, знать дуракъ на дурака напалъ, подумали братья, собрали денги и схоронили въ сундукъ, а дураку Аѳонѣ купили синій кафтанъ, красный кушакъ да шляпу съ павлинымъ перомъ. Вотъ и щеголяетъ нашъ Аѳоня по селу, каблуками потопывая, рукавами потряхивая, а ребятишки драчуны спереди и сзади бѣгутъ

да кричатъ: вонъ нарядилась де ворона въ павлиныя перья! Аѡонѣ то и любо, то и весело, много де народу, всѣ его одежу видятъ! Такъ и прожилъ нашъ Аѡоня, дуракъ дуракомъ, вѣдь на денги ума не прикупишь!

КОМАРОВО ГОРЕ.

Сбирался комарикъ
Жениться
Что на той ли на мушкѣ,
На горюшкѣ.
Налетѣли сверчки,
Да раскорили;
Ну что-жь эта, комарикъ,
За невѣста:
Ни ткать, ни прясть,
Не горазда;
Она шелкомъ шить
Не умѣетъ.
Полетѣлъ комарочикъ
Во лѣсочикъ,
Сѣлъ комарочикъ
На дубочикъ,

На зеленый ли дубочикъ,
Подъ листочикъ,
Какъ ударился комарикъ
Объ сырую землю
Разсыпалися кости
Комаровы.

ЗАЙЧИКЪ.

Гдѣ ты былъ, зайнька,
Гдѣ ты былъ, бѣленькой?
Въ огородѣ, пане мой,
Въ огородѣ душа мой,
Зайнька, да бѣленькой!
Чтожъ тамъ дѣлалъ зайнька
Чтожъ ты тамъ дѣлалъ, бѣленькой?
Я капусту щипалъ,
Я бѣлую ломалъ.
Не били ль тебя, зайнька,
Не били ль тебя бѣленькой?
Били, били, пане мой,
Били, били, душа мой!
Какъ же ты били, зайнька,
Какъ же ты били, бѣленькой?
Катюша помеломъ,
По бокамъ кулаками,

Марѳуша кочергой,
А Дуняша удала
За усики подрала.
Плакаль ли ты, зайнька,
Плакаль ли ты бѣленькой?
Плакаль, плакаль, пане мой!
Плакаль, плакаль, душа мой!
Какъ же ты плакаль, зайнька?
Какъ же ты плакаль бѣленькой?
Лапками рыльце утираль,
За слезами свѣта не видалъ.

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Ходить котикъ по горенкѣ,
Смотрить котя въ окошечко,
Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій,
Лапка бархатная.
Поди, котя, въ Торжокъ,
Купи, котя, пирожокъ;
Самъ кусочекъ откуси,
А мнѣ цѣлый принеси.
Я тебѣ коту,
За работу заплачу,

Красну шапочку куплю.

II.

Приходили по кота

Со боярскаго двора,

Приди котя ночевать

Малыхъ дѣтокъ утѣшать.

Нашу барышню качать

Коть—то ворчить

Наша барышня молчить.

У кота кота колыбелька хороша,

А у барышни моей

Есть получше твоей

Точеная, золоченая,

Крюкъ золотой,

Ремни шелковые,

Колечки, пробойчики

Серебряные.

III.

Спи дитя усни

Угомонъ возьми,

Ходить сонъ по сѣнюшкамъ

А дрема то по новымъ

Ходить сонъ да валится

А дрема—то передъ нимъ,

Сонъ говорить

Дрема спрашивает
Еще чья это качалочка
Въ высокомъ терему
Чья золотая
Въ шитомъ бранномъ пологу,
Въ этой качалочкѣ
Олинька лежитъ
Въ этой золотой
Платоновна лежитъ
Спи дитя до утра
До бѣлова дня
Какъ будетъ пора
Мы разбудимъ тебя.

IV.

Нянюшки мамушки качайте дитя,
Красныя дѣвушки баюкайте дитя,
Молодые молодушки люлюкайте дитя,
Старыя старушки спать укладывайте.
Спи по ночамъ да рости по часамъ
Выростишь велика, станешь въ золотѣ
ходить
Нянюшекъ мамушекъ обносками дарить,
Краснымъ дѣвушкамъ по ленточкѣ,
Молодымъ молодушкамъ на
повойнички,

Старымъ старушкамъ на повязочки.

БОЛЬНОЙ ВОРОБЕЙ.

Дома ль кумъ воробей? —

Дома.

Что онъ дѣлаеть? —

Боленъ лежитъ.

Что у него болитъ? —

Плечики.

Сходи, кума, въ огородъ,

Сорви травы гречки,

Попарь ему плечки!

Парила кумушка,

Парила голубушка,

Его паръ не беретъ,

Только сердца придаетъ.

Дома ль кумъ воробей?

Дома.

Что онъ дѣлаеть?

Боленъ лежитъ.

Что у него болитъ?

Животокъ.

Сходи, кума, въ огородъ,

Сорви травки репеекъ,

Попарь ему животокъ.

Парила кумушка,
Парила голубушка,
Его парь не беретъ,
Только сердца придаетъ.

Дома ль кумъ воробей?
Дома.

Что онъ дѣлаеть?

Боленъ лежитъ.

Что у него болитъ?

Пяточки.

Сходи кума въ огородъ —

Сорви травы мяточки

Припарь ему пяточки!

Парила кумушка,

Парила голубушка,

Его парь не беретъ,

Только сердца придаетъ.

ГОСТЬЯ.

Городомъ я шла зарею.

Ко бору пришла тучею,

Ударила въ ворота бурею,

Пустила по двору сильный дождь,

Сама я поплыла уткою.

На крыльцо я взошла павою,

Во новыя ворота лебедкою,
Во высокъ теремъ дѣвушкой.

КОЗЕЛЬ ХВАСТУНЬ

Какъ у бабушки козель,
У старой бабы, сѣдой.
Тпру–ка нука, тили ли,
Тилилюшенки мои!
Онъ на шесточкѣ лежалъ.
Судомоичку лизалъ.
Отпросился козель,
Отпросился сѣдой
На часокъ во лѣсокъ.
Ахъ ты, бабушка,
Ты Варварушка,
Отпустика ты козла!
Я поймаю тебѣ,
Волка сѣренькаго,
Лису желтенькую,
А волчицу на капоть,
А лисицу на салопъ.
Какъ на встрѣчу козлу,
Идутъ семь волковъ,
Осьмой–отъ волкъ,

Подопрѣлый бокъ:
Онъ семь лѣтъ говѣль,
Все козлятинки хотѣль.
Испугался козель,
Испугался сѣдой
Онъ бородочкою трясеть,
Точно вѣничкомъ,
Онъ ножками стучить,
Словно ступочками,
Ахъ ты, бабушка,
Ты Варварушка,
Отворяй-ка ворота,
Принимай-ка козла!

ДОМОВНИЦА

Курочка по сѣнюшкамъ
Похаживаетъ, поговариваетъ,
Еще какъ да кудакъ
Не бывало въ домѣ такъ,
Гдѣ хозяйюшка гуляетъ
Въ печи кашнички горшечки
Всѣ надсѣлись кипучи,
На привязочкѣ теля
Удавилось ревя,

Въ колыбелички дитя
Надорвалося вопя
Ушла наша хозяйюшка
Въ три поля гулять,
Во первое въ яровое,
Во другое во ржаное,
А въ третье поле въ конопли,
Въ конопляхъ—то воробьи
Воробей ты полоротъ
Не кричи во весь народъ,
Мой батюшка у воротъ
Зоветь меня въ огородъ,
Чесноку луку полоть,
Луку сѣянаго,
Маку вѣянаго
Я нарву—то луку въ руку
Во другую чесноку,
Помираю со смѣху
На Романову сноху,
У Романовой снохи
Сарафаны хороши,
На полахъ те галуны
На подпольяхъ шабоны*
Что на улицѣ шумять,

* Лохмотья.

Сарафанъ бабы дѣлятъ
Кому клинъ, кому станъ;
Кому весь сарафанъ,
Кому пуговики литыя,
Кому пѣтельки витыя,
А боярамъ господамъ
На ушочки къ сапогамъ.
Поповымъ дочерямъ
На подвязочки къ чулкамъ.

ПЕРЕПОЛОХЪ

Ходить курочка,
Съ ножки на ножку поступаетъ,
Лапками постукиваетъ,
Поповы то дѣти
Горохъ молотили,
Цѣпы перебили,
За тынь побросали
Въ курицу попали,
А изъ курицы перо,
Да подъ Захарово село,
Захаръ съ мѣшкомъ,
Жена съ горшкомъ,
Малы дѣтки соколятки

Съ уполовничками,
Гори гори жарко,
Ѓдетъ Захарка,
Самъ на лошаdkъ,
Жена на коровкъ,
Дѣтки на теляткахъ,
А слуги на собакахъ,
А въ Захаровомъ селѣ
Собаки на привязи потявкнвають,
Медвѣдь на цѣпи порявкнваеть.

СГОВОРЪ СОВЫ

Сова ль моя, совушка,
Вдова ль моя вдовушка,
Залѣсная барыня,
Ульяна Степановна,
Гдѣ же ты живала
Гдѣ же ты бывала?
Живала я, совушка,
Бывала я вдовушка,
Во темныхъ лѣсицахъ,
Во сырыхъ дуплицахъ,
Знають меня, совушку,
Знають меня, вдовушку,

Два луня бѣлыхъ,
Два друга милыхъ.
Стали сову сватать,
Сватовъ засылать,
Сову убирати,
Въ лапти обувати
Въ лапти въ ошметки,
Въ онучи отрепки,
Въ платье рогожное,
Въ ожерелье гороховое.
Воронъ былъ поваромъ,
Сорока стряпухой,
По дворамъ летали,
Курь собирали,
На свадьбу сзывали
Куры, вы дуры,
Жалуйте на свадьбу:
У насъ нынче праздникъ,
Праздникъ Вознесенье,
Большое веселье,
Сову за мужъ отдаемъ
За бѣлаго луня,
За милаго друга.
У нашего луня,
У нашего бѣлаго

Сорокъ кадушекъ
Соленыхъ лягушекъ,
Сорокъ анбаровъ
Сухихъ таракановъ,
Пятьдесятъ поросятъ,
Только ножки висятъ.

ДѢВКА СЕМИЛѢТКА

Какъ по мосту, по мосточку,
Шла дѣвка семилѣтка,
За дѣвушкой сынъ купецкой:
Постой дѣвка, семилѣтка,
Загадаю три загадки,
Изволь, дѣвка, отгадати:
А что растеть безъ кореньевъ,
А что цвѣтеть безъ алаго цвѣту,
А что шумить безъ буйнаго вѣтру?
Ростеть камень безъ кореньевъ,
Шумить вода безъ буйнаго вѣтру,
Цвѣтеть сосна безъ алаго цвѣту.

ПОСЛУШНАЯ ЖЕНА.

Заставиль меня мужъ—господинъ
Баню, банюшку топить,

А я, ходя, баю, баю,
Будто банюшку топлю.
Заставиль меня мужъ–господинъ
Вѣникъ, вѣничекъ, вязать,
А я, ходя, вѣю, вѣю,
Будто вѣничекъ вяжу.
Заставиль меня мужъ–господинъ
Щелокъ щелочить,
А я, ходя, щолкъ, щолкъ!
Будто щелокъ щелочу.
Заставиль меня мужъ–господинъ
Шакъ, шаечекъ искать,
А а, ходя, шарю, шарю,
Будто шаечекъ ищу.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ.

Дождикъ, дождикъ,
На дѣдову пашенку,
На бабинъ лень,
На барскій хмѣль
На нашъ ячмень,
Поливай весь день!
На Иванову рожь
Поливай какъ хошь.

ТОРГЪ.

Давай–ка мы, жонушка, домокъ
наживать,

Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный
рядъ гулять:

Купимъ–ка, жонушка, курочку;
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрю–
рюкъ!

Давай–ка мы, жонушка, домокъ
наживать,

Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный
рядъ гулять,

Купимъ–ка, жонушка, уточку;
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрю–
рюкъ!

Давай–ка мы, жонушка, домокъ
наживать,

Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный
рядъ гулять:

Купимъ–ка, жонушка, гусыньку;
Гусынька га, га, га, га!
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрю–
рюкъ!

Давай–ка мы, жонушка, домокъ
наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный
рядъ гулять:
Купимъ–ка жонушка индюшечку,
Индюшечка шулды–булды,
Гусынька га, га, га, га,
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрю–
рюкъ!

Давай–ка мы, жонушка, домокъ
наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный
рядъ гулять:
Купимъ–ка, жонушка, барашка:
Барашекъ–та шатры–матры,
Индюшечка шулды–булды,
Гусынька га, га, га, га,
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрю–
рюкъ!

Давай–ка мы, жонушка, домокъ
наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный
рядъ гулять:

Купимъ—ка, жонушка, козыньку:
Козынька—то прыгъ, прыгъ,
Барашекъ—то шатры—матры,
Индюшечка шулды—булды,
Гусынька га, га, га, га,
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ—тюрю—
рюкъ,

Давай—ка мы, жонушка, домокъ
наживать,

Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный
рядъ гулять:

Купимъ—ка, жонушка, коровку:
Коровка—то мыкъ, мыкъ,
А козынька прыгъ, прыгъ,
Барашекъ—то шатры—матры,
Индюшечка шулды—булды,
Гусынька га, га, га, га,
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ—тюрю—
рюкъ.

Давай—ка мы, жонушка, домокъ
наживать,

Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный
рядъ гулять:

Купимъ—ка, жонушка лошадку:
Лошадка—то ги, ги, го, го,
Коровушка—то мыкъ, мыкъ,
Козынька—то прыгъ, прыгъ,
Барашекъ—то шатры—матры,
Индюшечка шулды—булды,
Гусынька га, га, га, га,
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ—тюрю—
рюкъ!

ПЕРЕКОРЫ

На рѣчкѣ, на рѣчкѣ,
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
На сухо крутила,
На березѣ клала,
Тамъ и шель дѣтина:
Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти,
Звонко колотити,
На сухо крутити,
На березу класти!
Дѣвушка спѣсива,

Не дала спасибо,
Дружкой не назвала.
Душечка дѣвица,
Сшей ко мнѣ рубашку,
Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши! —
Душечка молодчикъ,
Выстрой теремчикъ,
Безо мху безъ лѣсу! —
Безо бѣлову тесу! —
Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ,
Зимой объ Крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Вознесенъѣ! —
Душечка молодчикъ,
Сшей-ко мнѣ башмачки
Со желтаго песочку! —
Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы! —
Душечка молодчикъ,
Слей-ко перстенечекъ
Съ краснова солнца,
Гдѣ-бъ я ни ходила,
Всебы я свѣтила.

ЩЕГОЛИХА.

На печки сижу, заплатки плачу,
Заплатки плачу, приплачиваю;
Я мужа журю, побраниваю:
Продай, мужъ, лошадку съ коровушкою,
Купи женъ шубку камчатненькую,
Купи женъ сережки алмазовыя,
Купи ожерелье, жемчужный борокъ.
Я въ шубку сряжусь, къ обѣдни пойду!
Послушался мужъ, снарядилъ жену
Совсѣмъ снарядилъ и къ обѣдни
пустилъ.

А люди глядятъ: чья така? чья така?
А идетъ вѣдь это Селифанова жена!
А идетъ она, какъ пава плыветъ,
Въ церкви стоитъ, какъ свѣчка горитъ;
Речь заговорить, какъ лебедь кричитъ!
Пришла ко двору въ нетоплену избу,
Сѣла на припечекъ, на задорожку,
А мужъ идетъ, хомуть волочетъ!
А ну-тка, жена, раздѣвайся-ка!
Впрягайся сама, да въ лѣсъ по дрова!
Заѣхаль въ цѣликъ, наклалъ возъ
великъ,

Подъ гору ъдетъ, присвистываетъ,
На гору ъдетъ, прихлыстываетъ
По деревнѣ ъдетъ, народу кричить:
„Глядите, ребята, лошадка хороша!"
Оглянулась назадъ, а народъ наверху
Помираетъ со смѣху на Селифанову
жену:

Не то мнѣ вдосаду, что возъ великъ,
А то вдосаду, что мужъ самъ сидитъ
И присвистываетъ и прихлестываетъ
А ну, ну, шубка камчатненькая,
Везите, сережки алмазовыя,
Тяните, ожерелье жемчужный борокъ.
Купи, мужъ, лошадку съ коровушкою:
Пусть наша лошадка по плашкѣ возить
По плашкѣ возить, да избу топить,
Пусть наша коровка по ложкѣ доить,
По ложкѣ доить да шишки бѣлить.

ИГРЫ ХОРОВОДНЫЯ

ПРОСО

Самая старинная игра, известная на всей Руси — припѣвъ ея: Дидь Ладо относится къ отдаленной древности, даже къ языческимъ временамъ славянства, равно какъ и припѣвы нѣкоторыхъ другихъ: люли, люшеньки люлѣ, лилѣ, усень, авсень, таусень. Играющіе дѣлятся на двѣ половины, и взявшись за руки, становятся на двѣ вереницы другъ противъ друга, на разстояніи двадцати или тридцати шаговъ; потомъ одна изъ вереницъ мѣрно подходя къ другой, протяжно запѣваетъ:

1 вереница.

А мы просо сѣяли, сѣяли.

Ой Дидь Ладо сѣяли, сѣяли!

Допѣвая припѣвъ, вереница эта отступаетъ задомъ, необорачиваясь на свое мѣсто; тогда вторая вереница подходитъ къ первой, запѣвая:

2 вереница.

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,

Ой Дидь Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!

и пропѣвъ это отходить подобно первой на свое мѣсто.

Первая же опять идетъ запѣвая:

1 вереница.

А чемъ же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой Дидь Ладо, вытоптать, вытоптать!

Пропѣвъ это отходить; тогда вторая
вереница идетъ запѣвая:

2 вереница.

А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидь Ладо выпустимъ, выпустимъ!

Вся игра эта заключается въ томъ, что
играющія вереницы поочередно, подходя
другъ къ другу заявляя свои угрозы, и
оканчиваютъ мировою. Пѣсня
продолжается такъ:

1 вереница.

А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидь Ладо переймемъ, переймемъ!

2 вереница.

А чемъ же вамъ перенять, перенять?

Ой Дидь и проч.

1 вереница.

Шелковымъ поясомъ, поясомъ!

Ой Дидь и проч.

2 вереница.

А мы коней выкупимъ, выкупимъ!

Ой Дидь и проч.

1 вереница.

А чемъ же вамъ выкупить, выкупить?

Ой Дидь и проч.

2 вереница.

А мы дадимъ вереницу, вереницу!*

Ой Дидь и проч.

1 вереница.

Не надо намъ вереницы, вереницы!

Ой Дидь и проч.

2 вереница.

А что же вамъ надо, надобно? Ой

Дидь и проч.,

Ой Диди Ладо надо, надобно!

1 вереница.

А дайте намъ дѣвицу, дѣвицу! Ой

Дидь и проч.

Вторая подходя уступаетъ дѣвушку, а
сама поеть:

Вотъ вамъ дѣвица, дѣвица! Ой Дидь

и проч.

Первая вереница поеть:

А нашего полку прибыло, прибыло!

* Вереница въ старину, какъ куница и другіе мѣха, замѣняла деньги, это повидимому векша либо горностаи, покрайности она равнялась имъ по ходячей цѣнѣ.

Ой Дидь и проч.

2 вереница.

А нашего полку убыло, убыло! Ой

Дидь и проч.

Иногда игра оканчивается на первой дѣвушкѣ, иногда же продолжается до тѣхъ поръ, пока вся вторая вереница не перейдетъ въ первую.

МАКЪ.

Играющіе становятся въ кружокъ, выбираютъ когонибудь изъ среды себя макомъ, ставятъ его по середкѣ, что и называется — макомъ сидѣть, а сами взявшись за руки начинаютъ водить хороводъ, то—есть, ходитъ кругомъ и пѣть:

Ай на горѣ макъ, макъ,

А подь горою такъ, такъ,

Ай маки маки маковицы,

Золотыя головыцы,

Станемъ мы въ рядъ,

Спросимъ про макъ.

Пропѣвъ это останавливаются, и спрашиваютъ у того кто стоитъ по середкѣ: взошелъ ли макъ?

Макъ отвѣчаетъ имъ: всходить.

Тогда хороводъ опять идетъ вокругъ и запѣваетъ:

Ай на горѣ макъ, макъ и проч., пропѣвъ до конца останавливаются и спрашиваютъ: цвѣтетъ ли макъ?

Макъ отвѣчаетъ: зацвѣль. Хороводъ опять начинаетъ кружить, и пѣть тоже, потомъ остановясь спрашиваетъ: поспѣль ли макъ? Макъ имъ отвѣчаетъ: поспѣваетъ.

Тогда хороводъ начинаетъ ходить и пѣть:

Золотой нашъ макъ!

Въ полугорьи макъ

Въ косогорьи макъ

Маки маковицы

Золотыя головыцы

Станемте мы въ рядъ

Спросимте про макъ.

Остановясь спрашиваютъ поспѣль ли макъ? А онъ отвѣчаетъ: поспѣль, идите трясти! сказавъ это, бросается вонъ изъ хоровода, всѣ играющіе бѣгутъ за нимъ ловятъ его, и если поймаютъ, то обходятся какъ съ настоящимъ спѣлымъ макомъ:

гнуть, трясутъ, нагибають, макъ старается какъ-нибудь вывернуться, отбиться и убѣжать, наконецъ взъерошенный макъ убѣгаетъ, а играющіе хохочать ему въ слѣдъ.

СЕЛЕЗЕНЬ

Играющіе выбираютъ когонибудь въ селезни; селезень корчась и пожимаясь словно отъ холоду, садится на травку, а хороводъ начинаетъ ходя вокругъ него пѣть:

Подъ берегомъ селезень,

Подъ крутымъ селезень,

Выйди, выйди селезинь,

Видь хохлатый селезинь!

Хороводъ останавливаясь спрашиваетъ:

Студеноль тебѣ селезень?

Селезень поднявшись съ травы, поетъ:

Мнѣ не то тепло,

Мнѣ не то студено,

Мнѣ не то одному.

Хороводъ выслушавъ селезня,
начинаеть кружить, пѣть, снимать съ себя
разную одежду припѣвая:

Пріодѣнься селезень;
Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Съ старой бабы шлыкъ,
Съ малаго дитяти пеленка,
Съ мужика бурлака,
Поль–кораблика
Съ сѣрой утицы
Сизой пухъ.

Селезень хватаетъ все на лету и каждую
вещь надѣваетъ на себя, когда же пѣснь
оканчивается, то онъ вдругъ вырывается
изъ хоровода унося кинутые ему платки,
ожерелья и проч., всѣ бѣгутъ за нимъ въ
погоню, ловятъ и отбираютъ свое, тѣмъ
игра и оканчивается.

ПИВО

Хороводъ собирается варить пиво:
берутся за руки и поютъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;

Ладо* мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этаго пива всѣ вкругъ сойдемся
Ладо мое, ладо, всѣ въ кругъ сойдемся.
При послѣднихъ словахъ не разнимая
рукъ сходятся въ тѣсный кружокъ и поють:
Ай на горѣ варили мы пиво
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этаго пива всѣ разойдемся;
Ладо мое, ладо, всѣ разойдемся!
Хороводъ расходясь изъ тѣсной кучи въ
широкій кругъ поеть:
Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этаго пива всѣ посядемъ,
Ладо мое, ладо, всѣ посядемъ!
Хороводъ не разнимая рукъ садится на
землю и поеть:
Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
И съ этаго пива всѣ мы повстанемъ!
Ладо мое, ладо, всѣ мы повстанемъ!
Встають, ходять хороводомъ и поють:

*Ладо въ старину было славянское божество, а нынѣ слово "ладо" припѣвъ и ласка.

Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Съ этаго пива въ ладоши ударимъ,
Ладо мое, ладо, въ ладоши ударимъ!
Хороводъ бьетъ въ ладоши и
продолжаетъ ходить и пѣть:

Ай на горѣ варили мы пиво,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этаго пива всѣ подеремся,
Ладо мое, ладо, всѣ подеремся!
Хороводъ въ шутку ссорится потомъ
идеть и поеть:

Ай на горѣ варили мы пиво,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
И съ этаго пива мы всѣ помиримся,
Ладо мое, ладо, мы всѣ помиримся.
Пропѣвъ это, игроки обнимаются и
начинаютъ другую игру.

ЗАЙЧИКЪ.

Выбираютъ зайчика, обступаютъ его хороводомъ; зайчикъ все время пляшетъ, поглядывая какъ бы выпрыгнуть изъ круга, а хороводъ ходить вокругъ, напѣвая:

Заинька, попляши,
Съренькій, поскачи,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Заинька въ ладоши,
Съренькій въ ладоши.
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Здѣсь города все нѣмецкіе,
Закрѣпочки желѣзныя.
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть сѣрому куда выскочить,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!

При этомъ нѣкоторые изъ играющихъ ослабляютъ руки указывая откуда зайчикъ можетъ прорваться. Зайчикъ припадаетъ къ землѣ, высматриваетъ мѣсто откуда выскочить, и прорвавшись тамъ гдѣ не ждали, убѣгаетъ.

ВОРОБЫШЕКЪ

Играющіе выбираютъ изъ себя воробья, ставятъ его по среди хоровода; онъ приплясываетъ и попрыгиваетъ по воробьиному, а хороводъ начинаетъ кружить и пѣть:

Скажи, скажи воробей,
Скажи, скажи молодой,
Какъ двѣицы ходятъ?

Пропѣвъ это, хороводъ останавливается, а воробей передразнивая мѣрную, плавную походку двѣушекъ, поетъ:

Онъ такъ, онъ сякъ,
Онъ этакъ, и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.

Послѣ воробьева отвѣта хороводъ идетъ и поетъ:

Скажи скажи воробей,
Скажи, скажи молодой,
Какъ молодцы ходятъ?

Воробей избочась, сдвинувъ шапку на бокъ молодецки похаживая и поглядывая поетъ:

Они такъ, они сякъ,
Они этакъ и вотъ такъ

Туда глядь сюда глядь,
Гдѣ голубушки сидятъ!
Затѣмъ хороводъ поетъ:
Скажи, скажи воробей,
Скажи, скажи молодой,
Какъ старушки ходятъ?
Воробей беретъ палочку и тихонько
бредетъ посреди хоровода припѣвая:
Онѣ такъ, онѣ сякъ,
Онѣ этакъ и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ молодушки сидятъ.
Хороводъ запѣваетъ:
Скажи, скажи воробей,
Скажи, скажи молодой,
Какъ богатые ходятъ?
Воробей гордо надѣваетъ шапку,
закидываетъ голову назадъ, идетъ ни на
кого не глядя и ни кому не кланяясь, при
томъ поетъ:
Они такъ, они сякъ,
Они этакъ и вотъ такъ
Ни направо глядь, ни налѣво глядь,
Неча шапку ломать.
Хороводъ опять кружить и поетъ:

Скажи, скажи воробей,
Скажи, скажи молодой,
Какъ злые люди ходять?
Воробей хмурится, ежится, и ходить,
поглядывая изподлобья:

Вотъ и такъ, вотъ и сякъ,
Вотъ и этакъ, и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ добрые люди сидять.

ПЛЕТЕНЬ

Играющіе, взявшись за руки, становятся
вереницею; двое изъ крайнихъ поднимаютъ
руки воротами, а вся вереница съ
запѣвалою во главѣ проходятъ въ тѣ
ворота, напѣвая:

Заплетися плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Завернися камка шелковая!

Такъ проходятъ всѣ, даже и вторая съ
краю, которая держала ворота, она ни
разнимая рукъ вывертывается такъ, что
правая рука самага крайняго ложится на ея
лѣвое плечо, она же подымаетъ свою

правую руку и держать новыя ворота со слѣдующею сосѣдкою. Вотъ когда такимъ образомъ начало плетня сдѣлано; то запѣвало продолжаетъ пѣть и плести плетень, ныряя въ ворота:

Изъ за-горь дѣвица утей выгоняла.

Тига утушка домой!

Тига сѣрая домой!

Я сама гуськомъ,

Сама сѣренькимъ,

Ой свѣтъ, сѣра утица!

Потопила малыхъ дѣтушекъ,

Во меду, да во патоку

Да во явствѣ сахарномъ,

Да въ питьѣ медвяномъ.

Я старымъ старикомъ.

Киселя съ молокомъ;

Молодымъ молодкамъ

Шелковую плетку;

А краснымъ дѣвушкамъ

Бѣлилъ да румянь;

Если пѣсня кончена а плетень еще не доплетень, то начинаютъ пѣть сначала и поютъ до тѣхъ поръ пока рука

передпослѣдней ляжетъ на плечо запѣвалы;
тогда начинаютъ расплетать плетень и пѣть:

Расплетися плетень расплетися;

При чемъ запѣвало не выпуская руки
сосѣдки, вывертывается на другую сторону
и такимъ образомъ плетень начинаетъ
расплетаться подъ пѣсню:

Ты развейся труба золотая,

Ты развернися комка шелковая!

Изъ за-горь дѣвица утей выгоняла:

Тига утушка домой!

Тига сѣрая домой!

Я сама гуськомъ, гуськомъ,

Сама сѣренькимъ

Ой свѣтъ сѣра утица!

Вынимала малыхъ дѣтушекъ,

Изъ меду, изъ патоки,

Изъ явствъ сахарныхъ

Изъ питья медвянаго.

Пѣсню эту поютъ до тѣхъ поръ, пока ни
расплетется весь плетень до конца.

ПОСЛОВИЦЫ

ПРАВДА

На правду мало словъ: либо да, либо нѣтъ.

Дороги твои сорокъ соболей, а на правду и цѣны нѣтъ.

Неправдой жить нехочется, правдой жить не можется.

Не ищи правды въ другихъ, коли ея въ тебѣ нѣтъ.

Какъ ни хитри, а правды не перехитришь.

И Мамай правды не съѣлъ.

Все минется, одна правда останется.

Хороша святая правда, да въ люди не годится.

Съ правдой шутить, что съ огнемъ.

Не во всякомъ камнѣ искра, не во всякомъ мужѣ правда.

ВРАНЬЕ

Онъ развѣ только невзначай правду молвить.

Ину пору проветрется, такъ и правду скажетъ.

Слушать его можно а вѣрить нельзя.

Вчера солгалъ, а сегодня лгуномъ обзываютъ.

Столько правды, какъ въ рѣшетѣ воды.

Что ступить, то совреть.

Вреть и глазомъ не смигнетъ.

Лгать не устать, было бѣ кому слушать.

Такъ вреть, что ни себѣ ни людямъ передышки не даетъ.

Не спорь, молчи: разсердишь — круче перевру.

Что больше вреть, то пуще развирается.

Враль много, а чай больше того осталось.

Такъ вреть, что не перелѣзешь.

Люди врутъ, навираются; нашъ вреть, не наврется.

Всѣхъ вруновъ не переврешь.

СТРАХЪ

У нашего Трошки задрожали ножки.

Трясется, какъ листъ на осинѣ.

Сердце екнуло, душа въ пятки ушла.
Хорошо медвѣдя въ окно дразнить.

РАЗДУМЬЕ

Думаль было дать, да раздумаль опять.
Ни вонъ, ни въ избу; ни со двора ни на
дворъ.

ПОХВАЛЬБА

Честь да мѣсто, садись да хвастай.
Хвались, да не поперхнись.
Овсяная каша хвалилась, будто съ
масломъ родилась.
Самъ поеть, самъ слушаетъ, самъ и
хвалить.
Лучше умная хула, чѣмъ дурацкая
похвала.
Чего хвалить, не умѣешь, того не хули.
Пришла свинья къ коню и говоритъ: и
ноги де кривы, и шерсть не хороша.

ПРИЧУДА

Здѣсь не сижу, дома не хочу, понесли
меня къ намъ.

Угорѣла барыня въ нетопленной горницѣ.

Скажи, да укажи, да въ ротъ положи.

Дали голодной Маланьѣ оладьи, а она
говорить испечены не ладно.

Даютъ холсть, такъ толсть, дали хлѣбъ,
такъ не вѣянь.

ТОЛКЪ И БЕСТОЛОЧЬ

Ни складу, ни ладу, ни толку.

Въ рѣшетѣ воду носить, ведрами вѣтеръ
мѣрять.

Я про сапоги, а онъ про пироги.

Кто въ лѣсъ, кто по дрова, кто рубль,
кто полтора.

Здорово кума! „Да на рынокъ была!"

Не какъ глуха? „Купила пѣтуха".

Прощай Кума! „Пять алтынъ дала".

Ходиль ни почто, принесь ничего.

Иди туда, невѣмо куда; ищи того,
невѣдомо чего.

Пришла Кума, такъ сядь; а почто
пришла? "да такъ".

Толкъ этотъ есть, да не втолконъ весь.

УМЪ

Умная голова сто головъ кормить, а
глупая и себя не прокормить.

Немного думаль, да ладно молвилъ.

Умную рѣчь хорошо и слушать.

Голова безъ ума, что фонарь безъ
свѣчи.

Умъ сяжкомъ подъ небеса уходитъ.

(сягать — доставать.)

ГЛУПОСТЬ

Голова съ лукошко, а мозгу ни крошки.

На головѣ густо, а въ головѣ пусто.

Онъ безъ потычки пяти пальцевъ не
сочтетъ.

Разошелся умъ по закаулкамъ, а въ
середкѣ ничего неосталось.

„Да ты бы напередъ подумаль“;

пробоваль братецъ, да хуже.

Спереди дуракъ, да и сзади такъ.

Радъ дуракъ, что дыра на боку.

Чужой дуракъ — смѣхъ, а свой
дуракъ — стыдъ.

ЖАДНОСТЬ

Сѣсть не могу, а покинуть жаль.
Всего добра не переѣшь.
Назаръ все одинъ слизаль.
Въ чужихъ рукахъ пирогъ великъ, а
какъ намъ достанется, малъ покажется.

УДАЧА

Удастся — бражка, неудастся —
квасокъ.
И наугадъ; да въ попадъ.
И нехитро да больно кстати.
Два ерша въ одну вершу.
Людыамъ тынъ да помѣха, а ему смѣхъ
да потѣха.
Кому того сего, а кому и ничего.

НЕУДАЧА

Мѣтилъ въ ворону, да попаль въ корову.

По усамъ текло, да въ ротъ непопало.
Была у двора масляница, и въ избу не
зашла.

Ни то ни се клевало да и то сорвалось.

ТРУДЪ

Трудъ челоѡвка кормить, а лѣнь
портить.

Безъ дѣла жить, только небо коптить.

Богу молись, а самъ трудись.

ЛѣНЬ

Лежа не работаютъ.

Хочешь ѣсть колачи, такъ не сиди на
печи.

Пилось бы да ѣлось, да работа на умъ
не шла.

Господи, Господи до обѣда проспали,
встали да обѣдать стали, наѣлись,
помолились, да опять спать повалились.

Сонливый да лѣнивый два родные брата.

Проглотить—то хочется, да прожевать
лѣнь.

Семеро одну соломенку поднимають.
Лѣнивому всегда праздникъ.

БОГАТСТВО

Богатому все праздникъ.
Богатство спѣси съ родни.
У него денегъ и куры неклюють.
Стоить крикнуть, да денежкой
брякнуть — все будетъ.
Хорошо тому щеголять, укого денежки
гремять.
У богатаго все сладко, все гладко.
Какъ сыръ въ маслѣ катается.
Одна рука въ меду, другая въ патокаѣ.
Только ума на деньги не купишь.
Не мудра голова, да кубышка полна.

БѢДНОСТЬ

Тарасъ ѣсть пряники гораздъ, а Филатъ
и кашѣ радъ.
Съ корочки на корочку перебивается.
У кого густо, а у насъ пусто.
На печи въ рѣшетѣ три засушенки.

Три кола вбито, да небомъ покрыто.

Ни коня ни возу, ни того что на возъ положить.

Стужа да нужда — нѣтъ ихъ хуже; голодъ да холодъ — нелегче того.

Съ сумой идти стыдно, а сидѣть дома тошно.

Кто нужды не знаваль, до сыта Богу не маливался.

ЧУЖОЕ

Что подняль, то не отъ земли выросло.

Лучше свое отдать, нежели чужое взять.

За чужимъ добромъ не гоняйся съ багромъ.

Что въ другомъ не любо, того и самъ не дѣлай.

Знай кошка свое лукошко.

На чужой совѣтъ до зова не ходи.

Братъ сестрѣ не указъ въ стряпнѣ.

ОБИДА

Обиженнаго обижать — двойной грѣхъ.

Гдѣ наболѣло, тамъ не тронь.
И безъ перца дойдетъ до сердца.
Кто кого смогъ, тотъ того и съ ногъ.

ССОРА

Съ нимъ натощахъ несговоришь.
Ты ему слово, а онъ тебѣ десять.
Спорить спорь, а браниться грѣхъ.
Не прямота браниться, а задоръ.
Браниться бранись, а на миръ слово
покидай.

Ссора до добра не доведетъ.
Дракою правъ небудешь.
Лады, что у кошки съ собакою.
Одинъ рычитъ да лаетъ, другая
мурлычитъ да фыркаетъ.

ДОБРО

Доброму дѣлу не кайся.
Лучше быть въ обидѣ, чѣмъ
обидчикомъ.

Своего спасиба не жалѣй, чужаго не
жди.

Дружбу помни, а зло забывай.

Человѣкъ жалюю живеть, (любить и жалѣть).

Доброму человѣку и чужая болѣзнь къ сердцу.

Никто не сможетъ, такъ Богъ поможетъ.

Доброму Богъ помогаетъ.

ЗЛО

Сердце яро, мѣсто мало, расходиться негдѣ.

Глядитъ ровно семерыхъ проглотилъ; осьмымъ поперхнулся.

На что ни взглянетъ — все вянетъ.

Гдѣ ногой ступитъ — трава не растетъ.

Самъ съ воробья, а сердце съ кошку.

Такое сердце взяло, что самъ бы себѣ языкъ прикусилъ.

ШУТКА, СМѢХЪ

За шутку не сердись, а въ обиду не вдавайся.

Умѣй шутить, умѣй и отшучиваться.

Шутку любить подь Ѡмой, такъ люби и подь собой.

Шутиль мартынъ, да спрятался подь тынъ.

Иной смѣхъ плачемъ отзывается.

Нѣтъ лучше шутки какъ надъ собой.

(никому необидна).

ТЕРПѢНЬЕ

Терпи, казакъ, атаманомъ будешь.

Терпѣнье и трудъ все перетрутъ.

Капля камень долбитъ.

Чей чередъ, тотъ и беретъ.

Когда будетъ рожь, тогда и мѣра.

УЧЕНЬЕ

Наука не пиво, въ ротъ не вольешь.

Учился читать, да писать, а выучился пѣть, да плясать.

Не учась и лаптя не сплетешь.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.

ЧЕЛОВѢКЪ

Руки работаютъ, а голова кормить.

Память въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хотѣнье въ сердцѣ.

Человѣкъ бы человѣкомъ, да облика Господня въ немъ нестало.

Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.

Людей—то много, да человѣка нѣтъ.

Семь въ тебѣ душъ, да не въ одной пути нѣтъ (двуличность—неправдивость).

Какъ нѣтъ души, такъ что хошь пиши.

Речи слышимъ, а сердца не видимъ.

Совѣсть съ молоточкомъ, и настукиваетъ и наслушиваетъ.

У него совѣсть дырявое рѣшето.

Рожа негожа, да душа пригожа.

На красиваго глядѣть хорошо, съ умнымъ жить легко.

Не вѣрь речамъ, вѣрь своимъ очамъ.

Не глаза видятъ, а человѣкъ; не ухо слышитъ, а душа.

РАЗНОЕ

По Сенькѣ шапка.

Выбирай епанчу по плечу.

Каковъ дѣдъ, таковъ и обѣдъ.

Собака, чего лаешь? Волковъ пугаю.
"Собака", чего хвостъ поджала? "волковъ боюсь".

Не смѣйся квасъ, не лучше насъ.

Самъ въ грязи лежитъ, а кричитъ
небрызгай.

Не смѣйся вода, сама молода.

Чужаго на свой аршинъ не мѣрай.

(непересуждай).

Тычь, потычь, перетычь Ильичъ;
притыкай, Ѡмичъ; а ты, Кузьма, опосля
потычь.

Авось да небось, хоть вовсе брось.

За твоимъ языкомъ, неспѣшишь
босикомъ.

Много говорено, да мало сказано.

Складно баеть, да дѣла не знаетъ.

Языкъ напередъ ума рыщетъ, (говорить
необдуманно).

Не величка мышка, да зубокъ остерь.

Все лучше того, какъ нѣтъ ничего.
Не только людей, что Оома, да Оадей.

ЗАГАДКИ

Утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень
на двухъ, подъ вечеръ на трехъ?

Человѣкъ (ребенкомъ на четверенькахъ
а въ старости съ клюкой).

Царь видитъ рѣдко, Богъ никогда, а мы
завсегда?

Себѣ ровню.

Кругленькимъ маленькимъ до неба
докинешь?

Глазъ (глазами небо видишь).

Межъ двухъ свѣтилъ, я посередкѣ
одинъ?

Носъ.

Подъ небомъ дощечка, не сохнетъ, не
мокнетъ, и не куржавѣтъ?

Мокренькій теленочекъ подъ лавкой
лежить?

За бѣлыми березами тарара живетъ?

Языкъ.

Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ?

Бисеръ мой бисеръ, борочкомъ снизанъ,
алымъ бархатомъ опушенъ, подъ завѣтомъ
заложень?

Зубы.

Деревяшка везетъ, костяшка сѣчетъ,
мокрый мартынъ подкладываетъ?

Деревянная ложка, зубы, языкъ.

У двухъ матерей по пяти сыновей всѣ въ
одно имя?

Пальцы.

**Что выше лѣсу? Что краше свѣта?
Красно солнышко.**

**Чего въ корабейку не спрятать и
незапереть?
Свѣту.**

**Чего въ избѣ не видно?
Тепла.**

**Стоить садъ, въ саду двѣнадцать грядъ,
на грядяхъ по четыре бороздки, на каждой
бороздѣ по семи кочней?**

**Стоить дубъ, на дубу двѣнадцать вѣтвей
на каждой вѣткѣ по четыре отростка, на
каждомъ отросткѣ по семи прутьевъ?**

**Лежить колода поперегъ дороги, въ
колодѣ двѣнадцать гнѣздъ, въ гнѣздѣ по
четыре яичка, въ яичкѣ по семи
зародошковъ, что выдетъ?**

Годъ (въ году двѣнадцать мѣсяцевъ, въ мѣсяцѣ четыре недѣли, въ недѣлѣ семь дней).

Триста шестьдесятъ пять голубокъ,
пятьдесятъ два сокола, двѣнадцать орловъ,
на золотой сосенкѣ сидятъ?

Дни, недѣли, мѣсяцы, въ году.

Сестра къ брату въ гости идетъ, а онъ
отъ сестры прячется?

Ночь и день.

Безъ рукъ безъ ногъ воюеть?

Безъ рукъ безъ ногъ, а ворота
отворяетъ?

Отцова сундука не подымешь,
матушкинаго столечника* не скотаешь,
братнина коня не обуздаешь.

Земля, снѣгъ, и вѣтеръ.

* Столечникомъ въ народѣ зовутъ скатерть.

Тонкій высокій упаль въ осоку**, самъ
не вышель, а дѣтей вывелъ?

Дождь и потоки.

Шель долговязъ, въ сыру землю увязъ?
Тонокъ, дологъ; голенасть, а въ травѣ
не видать?

На землю падаетъ, отъ земли не
отлетаетъ?

Дождь.

Мостится мость безъ досокъ, безъ
топора, безъ клина?

Ледъ, (когда рѣка замерзаетъ).

Стоить Ермакъ на немъ колпакъ: ни
шить, ни бранъ, ни поярковый?

Снѣгъ на пнѣ.

** Осока высокая луговая трава.

Въ камнѣ спаль, по желѣзу всталь, по
дереву пошель какъ соколь полетѣль?

Огонь въ кремнѣ, огниво и трутѣ.

Ударю я булатомъ по бѣлымъ
каменнымъ полатамъ, выйдеть княгиня и
сядетъ на пуховую постель?

Огниво, кремень, искра и трутѣ.

Два братца въ воду глядятся, въ вѣкъ не
сойдутся?

Рѣчные берега.

По какой дорогѣ полгода ѣздить, да
полгода ходять?

По рѣкѣ (лѣтомъ ходять суда, а зимой
ѣздить на лошадяхъ).

Въ водѣ родится, а воды боится?

Соль.

**СКОРОГОВОРКИ,
или
ЧИСТОГОВОРКИ**

Ихъ заучиваютъ, чтобы наторѣть въ чистомъ и скоромъ говорѣ, и стараются выговорить безъ передышки.

Аль, лаль, бѣль алмазь, зеленъ изумрудъ.

На семеро сани, по семеро въ сани.

Полчетверта четверика гороху, безъ червоточенки.

У насъ на дворѣ подворьи погода размокропогодилась.

Быкъ тупогубъ, тупогубенькой бычекъ, у быка бѣла губа тупа.

Шли сорокъ мышей, несли сорокъ грошей, двѣ мыши поплоше, несли по два гроша.

Свинья тупорыла весь дворъ перерыла, вырыла полурыла, до норы не дорыла.

Летятъ три пичужки, черезъ три пусты избушки.

Ползетъ глиста по шесточку, глотни, глиста, песочку.

По двору подворью въ добромъ здоровьи.

Не диковинка полубрату сказать про Поликарпа.

Петръ Петровъ по прозванью Перовъ, поймалъ птицу писалицу; понесъ по рынку, просиль полтинку, подали пятакъ онъ и продалъ такъ.

Шли три пана, три Прокопья пана, три Прокопьевича, говорили про пана, про прокопья пана, про Прокопьевича.

Около ямы три хвоя вяли, на хвой стану, хвой достану.
